Лжедмитрий. На железном троне

Автор:
Михаил Ланцов

Лжедмитрий. На железном троне

Михаил Алексеевич Ланцов

Героическая фантастикаЛжедмитрий #3

Царевич Дмитрий не умер! Он каким-то чудом перенесся в начало XXI века, вырос в богатой приемной семье, получил отличное техническое образование в МГТУ имени Баумана. И уже готовился прожить спокойную сытую жизнь, наслаждаясь всеми благами цивилизации, но случай бросил его в самую пучину гражданской войны, известной потомкам как Смутное время.

Оказавшись в самой гуще событий, Дмитрий не посрамил своего отца – Ивана Грозного! Вернул престол после смерти Бориса Годунова, провел масштабные военные реформы, вырезал боярскую оппозицию, разгромил польских и шведских интервентов, попутно захватив Ливонию и отстояв Смоленск.

Что ждет его дальше? Уничтожение Речи Посполитой? Захват Крыма и Малороссии? А может, сразу десант в Стамбул?

Лжедмитрий? Да. Но это совсем другой Лжедмитрий.

Михаил Ланцов

Лжедмитрий. На железном троне

© Ланцов М.А., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

Наш современник, участвовавший в маневрах военно-исторических реконструкторов, волею судьбы был заброшен в самое начало XVII века – на дворе начинался сентябрь 1603 года. И сразу же оказался вовлечен в водоворот зарождающейся Смуты, потому что удивительным образом походил на сына Ивана Васильевича «Грозного» – того самого царевича Дмитрия.

Не желая примерять лавры Лжедмитрия, наш герой начал всячески открещиваться от своих прав на престол. Дескать, я не я и лошадь не моя. Вместе с тем старательно придерживается линии поведения, направленной на максимальное снижение потрясений. Однако, что бы он ни делал, как бы ни старался, окружающие только сильнее убеждаются – он настоящий царевич Дмитрий. Даже Мария Нагая при боярах опознала его, а бояре о том документ составили. Он! Натуральный! Без консервантов и вкусовых добавок! Прямо как по старому ГОСТу! В конечном итоге выбранная Дмитрием линия поведения приводит к его сближению с Борисом Годуновым, который, стремясь укрепить свое положение, планирует отдать за него свою дочь. Но не получается – она гибнет от яда. Но в любом случае царевич Дмитрий оказывается в списке соратников первого царя из дома Годуновых.

Пытаясь заняться созидательным трудом, Дмитрий, неплохо образованный даже по меркам XXI века[1 - Он получил отличное среднее образование, позволяющее поступить ему в любой вуз. Овладел четырьмя современными языками свободно (английским, немецким, французским и испанским) плюс двумя классическими, но удовлетворительно. В пику родителям поступил в МГТУ им. Н. Э. Баумана на факультет машиностроительных технологий, где со всем рвением отучился полных три курса. Увлечение военно-исторической реконструкцией XVII века породило интерес к истории как военной, так и экономической, а там и до техники с технологиями дошло. Ему стало интересно, что, зачем и почему, когда, кем и для кого, а главное – как. Причем не ограничиваясь XVII веком. Имел прекрасный уровень фехтования шпагой в связке с кинжалом (поздняя

испанская Дестреза), верховой езды и плавания, а также изрядно укрепился в «качалке». В XVII веке продолжил учиться, осваивая польский и шведский языки.], начинает разворачивать облегченную испанскую терцию – единственный вариант военной формации, подходящий под материальные возможности Москвы 1603–1604 годов. Вводит практику системной физической и боевой подготовки, совершенно чуждой миру в те годы. Марш-броски, работа на турнике и брусьях, полоса препятствий и строевая подготовка легли в основу главных инструментов преобразования сброда в крепкое, хорошо дисциплинированное и управляемое войско.

В 1605 году начинается Смоленская война. Сигизмунд III Ваза стремится посадить в Москве свою марионетку – царевича Василия, что на самом деле являлся сыном опальной жены Ивана Грозного Анны Колтовской, нагулявшей его на стороне – от окольничего. За что ее царь и «забрил» в монахини насильно, хотя должен был казнить. Деньги на войну Сигизмунду выделил Сейми клан Мнишек – самый богатый и влиятельный клан в Польше тех лет. Он контролировал практически все крупные города Польши и держал в своих руках огромные финансовые потоки. Но был худородным. Вот и планировал поправить это дело, сделав женой нового царя Василия дочь своего лидера – приснопамятную Марину Мнишек.

Выступив к Смоленску со своим войском, Дмитрий в трех сражениях разгромил армию Сигизмунда, обратив ее в бегство. Захватил походную казну, богатые трофеи, а также Василия и Марину. И внезапно оказалось, что Марина удивительным образом напоминает героиню компьютерных игр о Ведьмаке – чародейку Йеннифэр из Венгерберга. Не только внешностью, но и характером. На фоне местных эталонов красоты, далеких от вкусовых предпочтений царевича, она выглядела в его глазах если не богиней, то чем-то подобным. Впрочем, только для него – все окружающие не считали ее красивой и не понимали, что в ней нашел царевич. Ведьма ведьмой же. И недоумевали от чувств царевича к ней, считая приворотом.

В это время в Москве Иван Шуйский поднимает мятеж против Бориса Годунова, стремясь занять престол. Почему Иван, а не его старший брат Василий? Так тот в это время находился в Испании, куда его с посольством отослал Борис по совету Дмитрия. Но и брат не подвел. Семейная забава – бунты – у них в крови. Царевич вынужден отказаться от своего плана идти на Литву, спешно заключает с Сигизмундом «вечный мир» на пять лет и идет освобождать Москву. На подступах к городу разбивает войско сторонников Шуйских и, войдя в столицу,

берет Кремль. И как-то так «вдруг» оказывается, что единственным претендентом на престол остается только он. И это несмотря на то, что корона ему даром не нужна, и вообще – во все это изначально он вляпываться не хотел…

Понимая, что править Русским царством не хочет, он созывает Земский собор и устраивает там грандиозную провокацию. Цель проста – сорвать это действо и провести государственный переворот, дабы установить в державе республику. Или что-то аналогичное. А потом плавно отойти от дел, занявшись чем-то более приятным. Тащить бремя монарха ему не хотелось совершенно, а допускать избрание других он считал смертельно опасным для себя – убьют.

Но сложилось так, как сложилось: 12 августа 1605 года его единогласно избрали царем – Дмитрием Ивановичем. Недовольный, но смирившийся со своим положением, он начинает готовить масштабные реформы. Просто потому, что вообще ни разу не согласен с той моделью государства, экономики и войска, что установлена в державе. Да и крепостное право для него что красная тряпка для быка.

В ходе подготовки реформ Марина находит способ выиграть пари. Смысл задумки прост. Дмитрий страстно жаждет Марину и одновременно с тем боится своей страсти к ней. Ведь так и под каблук легко попасть. А потому он ищет оправданий. Если девушка выиграет пари, то он возьмет ее в жены. А если нет? Казнит от греха подальше. Однако все сложилось довольно позитивно, и эта полячка, приняв православие, обвенчалась с Дмитрием, став царицей – Мариной Георгиевной, что круто изменило жизнь нашего героя.

В эти же дни происходит второе фундаментальное событие – Дмитрий понимает, что он не самозванец. Слишком много совпадений. Взять, к примеру, поведение его приемной семьи, члены которой всегда относились к парню очень холодно. Странный шрам. Внешность, входящая в диссонанс со всеми его родственниками там, в XXI веке. Судя по всему, получалось, что некто вытащил раненого царевича в будущее, где вылечил и пристроил в надежную семью на воспитание. А потом, волею судьбы, тот все равно «загремел» в ту эпоху, в которой ему надлежало жить… и умереть. Причем приемные родители, по крайней мере отец, знали, кто он и откуда.

В сентябре 1606 года проходит новый Земский собор, который утверждает грандиозные реформы на Руси. Так, например, отменяется крепостное право,

отменяются все внутренние таможни, а сама держава провозглашается империей.

Казалось бы – благие начинания. Однако они прямо бьют по кормовой базе бояр и помещиков, провоцируя тех на восстание. Ведь от прохода в будущее нас всегда удерживает множество якорей. Вот Дмитрий и постарался их обрубить по-нашему, по-джедайски. Топором то есть.

В марте 1607 года Дмитрию удается предотвратить дворцовый переворот. А уже в мае стало известно – началось вторжение интервентов из Швеции, на сторону которых перешли бояре, а вместе с ними ряд крупных городов севера Руси. Прежде всего Новгород и Ивангород. Швеция только что нанесла серию поражений ослабленной после разгрома 1605 года и опустошительных крымских набегов 1605, 1606 годов Речи Посполитой, заняв все старые земли Ливонии. И теперь, на волне успеха, жаждала еще и земли Новгорода «отжать».

Дмитрий выступает со своим войском на север.

Сокрушительный разгром шведов при Валдае. Бескровная капитуляция Новгорода. Разгром шведов при Ивангороде и его бескровная капитуляция. Успешный штурм Нарвы. Рейд на торговых судах к Ревелю и его захват наскоком. Проход на тех же торговых судах к Риге. Взятие на абордаж «в шлюпки» шведского линейного корабля 4-го ранга и двух пинасов, пользуясь внезапностью. Кровопролитный штурм Риги. Провозглашение провинции Ливония. Дерзкий каперский рейд на побережье Швеции, дабы отвлечь шведский флот от торговцев, везущих русские войска из Риги в Нарву. Захват еще одного линейного корабля 4-го ранга, на этот раз на рейде Стокгольма…

Блистательная Ливонская кампания!

Однако угроза масштабной интервенции с юга становится сильнее с каждым днем, а потому Дмитрий спешит в Москву. И очень кстати. Потому что Тохтамыш Герай, внук приснопамятного Давлет Герая, собрал под своей рукой огромную армию и получил благословение султана Ахмеда I на взятие Москвы и правление теми землями.

Кто выступил против Дмитрия, подбитый сладкими посулами предателей из числа помещиков да бояр? Собственно, Крымское ханство с пятитысячным

отрядом янычар и мощной османской артиллерией. Обе ногайские орды, казаки разные, черкесы и прочее, прочее, прочее. Совокупно – свыше ста тысяч. Огромная армия! И полная, абсолютная уверенность в своей победе.

В первой битве при Коломне в декабре 1607 года Герай легко разбивает войско Мстиславского. Однако уже спустя две недели, в трехдневном сражении под Серпуховом, терпит сокрушительное поражение от легиона Дмитрия. Спешно отступает. И новое поражение во второй битве при Коломне – на переправе. Окончательная потеря обоза. А спустя три недели Дмитрий ловит остатки войска Герая на отходе под Тулой и довершает разгром. На полях трех сражений оказалось восемьдесят две тысячи пятьсот тридцать один труп противника! Да еще сколько под лед Оки ушло…

Степь кардинально опустошена!

Но Дмитрий на этом не останавливается. Под Тулой встречается с корпусом Запорожских казаков, опоздавших к сражениям. Их сторона в этом конфликте выглядит крайне подозрительной – не будь Герай разгромлен, не ясно, за кого бы они были. Однако это не мешает Дмитрию отправить их в Крым – грабить все и вся. Любимая работа! Почему бы и нет? Тем более он пообещал выкупить у них награбленное за трофейное вооружение, коего у него теперь видимо-невидимо.

В это время из Москвы приходит гонец от патриарха Иова – друга и соратника Дмитрия. Оказывается, что вернулось посольство Василия Шуйского. Неопределенность исхода борьбы со степью и чудовищность армии Герая убеждают Василия в гибели Дмитрия. Он пытается взять власть в свои руки и короноваться. Вступает в конфликт с Мариной. Накручивает против «этой ведьмы, что свела Дмитрия в могилу», всю Москву и берет штурмом Кремль. Последний оплот обороны – укрепленные царские палаты – удерживаются остатками личной гвардии, преторианцами. Иов оказывается за решеткой. Вместо него церковные иерархи, перешедшие на сторону Василия, выбирают нового патриарха – Игнатия. И тут Василий узнает о грандиозной победе императора….

Поняв, что ему конец, идет на крайние меры. Ведь нужно уходить в бега, а без «выходного пособия» это делать затруднительно. Кому он где без денег нужен? Тем более с такой репутацией.

Дмитрий врывается в Москву и наводит там «конституционный порядок», убивая все, что хоть отдаленно напоминает бунтовщиков. Зачищает Кремль… Однако спасти удается только Марину. Все остальные гибнут от пуль, клинков или в дыму. Важным моментом является формат спасения, ведь Марину он вытащил из дыма со слегка посиневшим лицом и бездыханную. А потом взял и откачал на людях, подспудно обещая высшим силам напихать полный рот козявок, если те не помогут. Из-за чего все вокруг, включая саму супругу, считают, что он ее воскресил.

Практически сразу после подавления бунта Дмитрий созывает Поместный собор Русской православной церкви и вынуждает его осудить, лишить сана, а также предать анафеме тех иерархов, что поддержали Игнатия. А потом этих «бедолаг» вместе с остальными осужденными на смерть за мятеж приказывает похоронить заживо…

Иерархи под впечатлением. Поэтому, не рассусоливая, он предлагает им провести обширные реформы. В итоге на Руси вводится Новоюлианский календарь, летоисчисление от Рождества Христова и празднование Нового года на Рождество. Но главное – утверждается новая доктрина Церкви, основанная на борьбе со стяжательством с одновременным осуждением «иосифлян» как ересь. И сразу же, «не отходя от кассы», в рамках новой доктрины Церковь добровольно-принудительно отказывается от своих земельных угодий и имущества в пользу казны. Безвозмездно. То есть Дмитрий проворачивает банальное раскулачивание клира. Оставшимся в живых иерархам это было не по нраву, но они просто не рискнули ему перечить.

Таким образом, летом 1608 года на Руси завершается гражданская война, неизбежная после столь масштабных реформ. Помещики и бояре практически исчезают, сгорев в ее горниле: частью гибнут, частью эмигрируют, частью переходят в иные сословия. Церковь из крупнейшего землевладельца и крайне влиятельной политической фигуры превращается в полностью зависимую от казны структуру. Практически все сельскохозяйственные угодья сосредоточены в руках монарха. Крепостного права и внутренних таможен больше нет. Налоги ощутимо снижены. Казна переполнена за счет военных трофеев, конфискатов и «добровольного пожертвования» Церкви. А почти все соседи энергично мажут попу зеленкой.

Картина маслом!

Однако Дмитрий понимает, что этой цепочкой своих успехов он навлек на Русь внимание большинства крупных игроков Европы и Азии. А значит, теперь детские шалости закончились – началась Большая игра.

Казалось бы, должен гордиться и радоваться. Но вот беда – Дмитрию досталась нищая и малолюдная страна, ослабленная тяжелым полувековым экономическим кризисом, усугубленным страшным голодом первых лет XVII века. А тут еще и он приложил сверху пусть и скоротечной, но гражданской войной. Вытянет ли держава игру в лиге взрослых мальчиков на таких условиях? Ведь никто ждать не станет и поблажек давать не будет…

Пролог

5 ноября 1613 года. Исфахан

– Вах![2 - Вах! – Непереводимое междометие, характерное для многих кавказских языков и Персии.] – Вот и все, что смог воскликнуть Шаханшах[3 - Шаханшах (перс. ???????? [shahanshah] – «царь царей») – традиционный, древний титул Персии, в архаичной форме известный еще у Сасанидов в 221 году нашей эры. Является прямым аналогом европейского титула император.] Аббас[4 - Аббас I Великий (1571–1629) – самый выдающийся правитель Персии за всю историю ее существования. Правил 42 года – с 1587 по 1629 год. Создал регулярную армию (пехота с аркебузами и пушками). Нанес серию поражений османам, шибанидам, великим моголам и даже португальцам, отбив у них остров Ормуз. Ударными темпами строил дороги и мосты, ирригационные сооружения и шахские мастерские. Украшал и развивал города. Создал режим наибольшего благоприятствования торговле, что способствовало ее небывалому расцвету. Боролся с аристократией кызылбаши, резко сократив численность феодального ополчения и уменьшив его влияние. Всецело покровительствовал крестьянам и ремесленникам, облегчая налоговое бремя. Отличался удивительным уровнем веротерпимости (исключая суннитов). Персия во время его правления достигла зенита своего могущества. Единственный недостаток заключался в том, что он не смог должным образом подготовить наследников, большую часть которых сам и вырезал.], когда его посол, вернувшись из Москвы, вскрыл ящик с ружьями.

– Так в Московском арсенале упаковывают все ружья, принимаемые на хранение, – произнес посол, после чего деловито снял фиксатор, достал ружье и передал его Шаханшаху. – Осторожно, все сильно в масле.

– Зачем?

– Чтобы защитить от ржавчины. Такое оружие, по словам императора, может лежать десятилетиями без вреда для себя.

– Хм. А вот это что? – указал Аббас на небольшой внутренний ящик в ружейной таре.

– Здесь лежат штыки. Они идут в комплекте с ружьями, а потому находятся внутри тары.

– Штыки? Что такое штыки? – заинтересовался Шаханшах.

– Клинки, позволяющие превращать ружье в короткое копье. Смотрите. – С этими словами посол извлек штык и легким движением руки насадил его на ствол ружья. – Как вы видите, он не мешает стрелять и позволяет встретить врага последним залпом в упор.

– А этими короткими копьями удобно драться? Выглядят они неказисто…

– Это так, – кивнул посол. – Я тоже не был впечатлен их видом. Но в Москве мне провели демонстрацию. Я выставил своих бойцов с саблями против воинов с такими копьями. И мои люди просто ничего не смогли сделать. Просто не подступиться. Но там, правда, были хорошо обученные бойцы, крепко держащие строй.

– Хм… – многозначительно произнес Аббас.

– Кроме десяти ружей и комплекта штыков стандартная тара обязательно содержит комплект запасных частей для ремонта, десять наборов для чистки и ухода, а также удвоенный комплект ключей к замку. Московский арсенал очень строго следит за состоянием и комплектацией таких вот ящиков, – махнул рукой посол в сторону небольшого штабеля с ружьями.

– Ты говоришь так, словно это не подарок, – после небольшой паузы произнес Шаханшах.

– Это подарок. Император дарит три сотни ружей, предлагая испытать их в бою. И, если Шаханшаху они понравятся, предлагает покупать для перевооружения своей армии и врагов ваших врагов…

Дмитрий решил подложить англичанам и прочим французам свинью галактических масштабов. А именно взять и начать вооружать вполне современным оружием азиатов до того, как их подомнет под себя Западная Европа. Красиво? Конечно. Великий правитель стремился делать великие дела. На публику по крайней мере. А так, если отбросить реализацию масштабных геополитических планов, Дмитрий просто стремился заработать денег. Много денег. Очень много денег.

На 1613 год Балтийский торговый канал оказался изрядно затруднен из-за войны между Швецией и Данией. Редкие корабли англичан, голландцев и испанцев – вот и все, что видели его порты уже несколько лет подряд. Да, пробные партии ружей приобретались, но пока особенно не рвались осуществлять массовые закупки. Дмитрий это объяснял для себя тем, что особой нужды не было. Вот когда вспыхнет новая волна религиозных войн – то да, заинтересуются. А пока Европа с натянутой улыбкой реагировала на промышленные товары, сделанные на Руси.

Требовалось время для укрепления репутации и начала внятных продаж. Десять, может, даже двадцать лет. Но Дмитрий столько ждать не хотел, не видя в этом смысла. Поэтому, воспользовавшись удачно подвернувшимся посольством из Персии, он решил разыграть эту карту.

Для обеспечения своих амбиций в области международной торговли оружием император развернул к 1613 году Московский оружейный завод. Наверное, наиболее технически и технологически развитое предприятие мира.

Головной комплекс с сотней сотрудников осуществлял окончательную сборку, сортировку и приемку. Непосредственное же изготовление лежало на двадцати трех цехах, разбросанных по окрестностям Москвы. Пять сотен сотрудников, тридцать два водяных колеса, сорок три «ветряка» и полторы сотни воротов конного привода. А вместе с тем разнообразные токарные и сверлильные станки,

кривошипные и винтовые прессы, кузнечные механические молоты, обеспечивающие радикальный рост производительности труда на поковке. И так далее, и тому подобное. Но главное – стандартизация всего и вся, строгий взаимоконтроль и самое обширное внедрение конвейерных принципов[5 - Дробление операций на более простые с узкой специализацией, требующей невысокой квалификации для их выполнения. Плюс всемерная механизация этих операций.]. Ну и над повышением технологичности производимых конструкций тоже шла напряженная работа. Так, например, в 1610 году была запущена полностью обновленная линейка, изрядно преобразившаяся именно в этом плане, что существенно снизило стоимость и время производства без потери эксплуатационных качеств[6 - Дмитрий применил широко известный в узких кругах прием Георга Люгера. Например, он переработал стандартный колесцовый замок так, чтобы практически все его детали можно было получать методом горячей или холодной штамповки с последующей доработкой напильником по лекалу. Дешево и сердито.].

Как итог всех этих маневров, Дмитрий, опираясь на персонал в шесть сотен человек, из которых большая часть не тянула по квалификации даже на подмастерьев, производил по три тысячи стандартных ружей и десять тысяч замков[7 - Колесцовые замки сами по себе были товаром.] каждый месяц. КАЖДЫЙ МЕСЯЦ![8 - Дмитрий занялся этим вопросом еще в 1604 году. Подробнее о создаваемом им Московском промышленном районе можно почитать в Приложении.] Такой дикой производительности труда не было нигде в мире в те годы. А главное – эти изделия были не только массовыми и дешевыми, но и весьма качественными. Очень немногие мастера-ремесленники Европы могли изготавливать что-то подобное. И да, ружья с колесцовыми замками были не единственной продукцией Московского оружейного завода.

Конечно, Аббас всего этого знать не мог, а потому в его глазах ситуация выглядела совсем иначе…

В один прекрасный день его извечные враги – османы – вдруг запросили мира и спешно стали отводить свои войска на Балканы и Черноморское побережье Кавказа. Что такое? Почему? Шаханшах очень заинтересовался причинами столь странного поступка. И каково было его удивление, когда он узнал о фактическом исчезновении Крымского ханства?

Тут нужно пояснить тот факт, что Аббас всю свою жизнь с самых первых дней правления искал союзников для борьбы с Османской империей. Рассылал

дипломатов по всей Европе. Все улыбались его послам, хлопали по плечу, говорили красивые слова. Но единственное, чего ему удалось добиться, – привлечение англичан к формированию корпуса регулярной пехоты. Разумеется, взамен они потребовали огромные льготы в торговле.

А тут такой подарок – и дружественный сосед, и с османами на ножах. Сказка наяву!

Разумеется, в Москву сразу же ушло большое посольство с богатыми дарами – договариваться. Не ушло. Убежало. Потому что Аббас разрывался между борьбой с державой шибанидов на востоке и османов – на западе. И эта передышка, что была обеспечена ему Дмитрием, позволила серьезно укрепиться на востоке.

Император не пожелал ничего подписывать и давать какие-либо обязательства, используя очень разумные доводы. И Аббас вполне согласился с тем, что воевать с ТАКИМ плечом снабжения довольно глупая затея. Неудача? Может быть. Ведь правитель Севера не мог воевать с османами. Но и не отказывался, указывая на то, что идея ему нравится, но прямо сейчас он не готов. А это был пусть и маленький, но дипломатический успех. Впервые за всю историю крайне интенсивной дипломатии Шаханшаха.

Мало того, демонстрируя добрые намерения, Дмитрий прислал очень интересный подарок, глядя на который Аббас ясно и четко осознал, что за старье втридорога ему «загнали» хитроумные англичане. Понравилась ли идея Шаханшаху? О да! Он с радостью будет покупать эти ружья. Сколько Дмитрий продаст, столько и купит. Ведь в землях бурлящей и непрерывно воюющей Индии эти дивные «стволы» у него с руками оторвут, как и на Аравийском полуострове. А что это означает? Правильно. Правитель Севера ему фактически предлагал перевооружить свою армию самым современным оружием за счет врагов его врагов. Почему бы и нет?

Дипломатический ход сделан. «Шар» оказался на стороне Аббаса, и ему требовалось сделать следующий шаг.

Как ему поступить? Как найти способ закрепить и расширить этот едва теплящийся союз между правителем Севера и Юга? Поэтому он, отложив подарки, принялся самым подробным образом расспрашивать своего посла. Что Дмитрий за человек? Какой характер? Какие увлечения? Чем живет? Что любит?

И так далее.

Посол эту реакцию своего монарха просчитал еще в Москве, начав готовиться самым тщательным образом. И начал с того, что достал серебряную пластинку дагерротипа[9 - Дагерротипия – ранняя форма фотографии. Полированная медная пластинка покрывалась слоем серебра и шлифовалась. Обрабатывалась парами йода в темноте. Экспонировалась. Проявлялась парами ртути и закреплялась раствором поваренной соли. А потом она покрывалась очень тонким слоем золота для защиты изображения. Готовые снимки были очень хрупкими, поэтому их обязательно накрывали прозрачным стеклом, которое герметизировалось окантовкой из бумаги, пропитанной смолой. При этом стекло отделялось от поверхности дагерротипа рамкой из золоченой меди. Обработанный таким образом снимок заключался в рамку из дорогих сортов дерева. Ничего сложного и недоступного. Только хлопотно, очень дорого и масса технических ограничений. Но ведь это лучше, чем ничего.].

– Государь-император Дмитрий Иванович, – произнес посол и замолчал, давая Шаханшаху и остальным насладиться видом.

– Удивительно тонкая чеканка… – покачал головой Аббас.

– Ее делали сами лучи солнца.

– Что? Но как?

– Государь-император придумал механизм, который позволяет собирать солнечный свет в пучок и выдавливать на серебряной пластине изображение. Этакий отпечаток мгновения. Таким способом можно сделать оттиск не только внешнего вида человека или животного, но и всего, что может наблюдать глаз. Метод пока очень трудоемок и непрост, но император работает над его совершенствованием.

– Но он же полководец! А это все так неожиданно выходит, – покачал Аббас головой.

– Ходят слухи, что до того, как стать монархом и полководцем, император хотел стать ученым. Вот и последствия этих желаний. Кстати, ружья, что он прислал, – тоже его разработка. От и до. Они переполнены новинками. Тот же штык –

полностью его изобретение, неизвестное ранее в Европе.

– Даже так, – произнес, покачав головой Аббас. – Правитель, полководец, ученый. А что он за человек?

– Странный, – чуть подумав, ответил посол. – Очень странный и неоднозначный. За первые три года своего правления он уничтожил сто пятьдесят тысяч человек. Для тех слабозаселенных земель – большие потери. Вырезал или выгнал из державы аристократию, что противилась его реформам. То есть почти всех. Конфисковал их земли. Отобрал у Церкви три четверти земель и денег. Уничтожил поголовно всех легитимных претендентов на престол. И в то же время он печется о простых селянах, ремесленниках и купцах. Отменил все внутренние таможни, приравняв подобные поборы к разбою. Сильно снизил налоги и подати. Упразднил привязку людей к земле и любые формы личной зависимости. Воскресил человека.

– Что?! – поперхнулся Аббас. – Воскресил человека?!

– Да. Свою жену. И сделал это на глазах очень многих людей. Во время восстания столица оказалась охвачена бунтом. Его супруга, мать и единственный ребенок погибли в дыму. Жену он очень любил, поэтому настолько истово воззвал к небесам, что те откликнулись. Поговаривают даже, что император угрожал высшим силам, но, я думаю, это простая болтовня.

– А ты видел ту, что воскресла?

– Конечно. И не один раз. Очень деятельная и толковая особа, хоть и баба. Она пользуется большим доверием императора и является блюстителем престола в его отсутствие. Дело в том, что Марина после воскрешения сильно изменилась. Родив ему дочку, она приняла постриг, потеряв всякий интерес к близости. Впрочем, далеко от себя он ее все равно не отпустил – она сейчас заведует Имперским архивом и подготавливает открытие большой публичной библиотеки. По этому делу мы с ней и общались много раз. Я заглянул в архив и изрядно удивился его устройству[10 - Была применена классическая методика каталогизации и индексации архива с заведением картотечной карточки (и, как следствие, картотеки) на каждую книгу и рукопись. Для XVII века – совершенно удивительное явление.]. Она, кстати, просила при возможности выслать ей человека, что ведает в старых и новых восточных языках, а также рукописях. Ее

интересовали персидская и индийская литература. Марина слышала и про сборник сказок «1000 и 1 ночь», и про «Камасутру», и про многое другое.

– Ты с ней разговаривал только о книгах? – удивленно повел бровью Аббас.

– Книги были поводом для общения, – лукаво улыбнулся посол. – Постриг ведь подразумевает, что брак между супругами расторгается. А Дмитрий новую жену себе не взял. Вот я и пытался понять – почему.

– И что ты выяснил?

– Не находит подходящей кандидатуры.

– Странно. Как же так?

– Дело в том, что у него очень необычные вкусы. Ему нравятся подтянутые, поджарые женщины, подобные степным волчицам или большим диким кошкам. Дерзкие, своевольные и сильные. Такой тип – редкость. Тут и с телом беда, и с характером[11 - В те годы что в Европе, что в Персии в цене были пухлые, рыхлые женщины с таким же мягким, покладистым характером.]. Упитанные, мягкие, нежные женщины ему неинтересны. Он считает, что только сильные женщины рождают сильных мужчин.

– А что Марина? Не оттого ли он держит ее при себе, что они продолжают жить тайно?

– До воскрешения о ней болтали всякое. Правда, больше, что ведьма, приворожившая видного мужчину. Теперь же – как отрезало. И Всевышнего боятся, и императора. Так что – если они и позволяют себе чего, то о том никто не знает и ничего не болтает. Они оба очень уважаемы в народе. Да и Марина активно ищет ему жену, вполне искренне за императора переживая. Но угодить пока не удается. Время от времени находят девиц, что нравятся императору своим видом. Однако они оказываются либо глупы, либо трусливы, либо еще какой недостаток всплывает.

– А естество как же?

– Дмитрий держит при себе несколько любовниц. Но понести от него они не могут, ибо император специально набирал бесплодных молодых женщин с приятным лицом. Официально, разумеется, они все приставлены к делу и числятся служанками внутренних покоев императора. Белье там меняют, пыль протирают… ну и в прочих делах услуживают…

– А как же его вкусы? – усмехнулся Аббас. – Неужели снизошел до пухленьких?

– Отнюдь, – грустно покачал головой посол. – Он их подвергает каким-то суровым изуверствам, отчего те худеют и становятся гибкими… упругими какими-то. Ходят слухи, что он их даже с оружием обращаться учит…

Часть I

Северная кампания

– Твой ведьмак, – сказала Франческа, – за один час наделал больше, чем кто-нибудь другой за всю свою жизнь. Не рассусоливая: сломал ногу Дийкстре, снес голову Артауду Терранове и зверски изрубил около десятка скоятаэлей. Ах, чуть не забыла: он ещё разбередил нездоровое возжелание Кейры Мец.

– Это ужасно, – поморщилась Йеннифэр. – Надеюсь, Кейра уже пришла в себя? К нему претензий нет? Убеждена, что если, нездорово разбередив ее возжелание, он незамедлительно же ее не оттрахал, то виновата не нехватка уважения, а банальный недостаток времени.

Франческа Финдабаир, Йеннифэр

Глава 1

17 ноября 1613 года, Москва

Дмитрий восседал на своем железном троне и задумчиво смотрел на посольство шведских аристократов, пришедших к нему на поклон. Их предводитель и фактический правитель Швеции Аксель Оксеншерна передал императору новость о том, что Риксдаг единогласно избрал его на престол.

Хорошая новость.

Замечательная новость.

Если бы не одно «но» – Швеция находилась в войне, которую уже проиграла по всем статьям…

После того как летом 1607 года Дмитрий уничтожил армию Карла IX в Ливонии, Швеция оказалась в очень непростой ситуации. Тут и физическая потеря почти всех солдат королевства вместе с вооружением, и утеря походной казны короля, и лишение доходов от Ливонии. Иными словами, Швеция стала словно перезрелый фрукт – протяни руку и бери. Поэтому, когда весной 1608 года Дмитрий предложил заключить «вечный мир» на пять лет, Карл охотно согласился. После чего вплотную занялся восстановлением войска практически с нуля. При жидкой казне и скудном населении – та еще забава.

Тем временем над Швецией сгущались тучи.

Дания, отметившая кардинальное ослабление Швеции, пожелала вернуть ее под свою руку. Однако в сложившейся ситуации нельзя было просто взять и завоевать соседа. Ведь имелась Речь Посполитая, король которой не только претендовал на этот престол, но и имел немалое влияние на своих соседей – курфюршества Бранденбург и Саксония. Герцогство Пруссия так и вообще было для Сигизмунда вассальным. Иными словами, вторжение в Швецию могло закончиться для Дании войной с целой коалицией.

Три года дипломатических маневров завершились вполне благополучно – весной 1610 года датские войска вторглись в пределы Швеции, не опасаясь удара в спину. И в первой же крупной битве Карл IX трагически погиб…

Карл находился в сложных отношениях с аристократией и Риксдагом, балансируя на грани. В то время как взошедший на престол юный Густав II Адольф в первый же день даровал шведским аристократам широкие привилегии, привлекая их на свою сторону. После чего, пойдя на поводу у Акселя Оксеншерна, серьезно облегчил налоговое бремя купцов и ремесленников. Что, в свою очередь, склонило и их на сторону нового короля.

Война с Данией обрела новое дыхание. Поэтому кампании 1610 и 1611 годов в целом завершились нейтрально. Густав II Адольф, придерживаясь фабианской тактики, методично срывал военные операции датчан, раз за разом ускользая от генерального сражения.

Но всему когда-то приходит конец.

Экономические возможности Швеции и Дании оказались несопоставимы. Парализовав экспорт шведского железа в 1610 году, датчане к началу 1612 года добились фактического банкротства шведской короны. Ведь железо было основной статьей дохода Стокгольма. Так что кампания 1612 года началась в крайне негативных для Швеции условиях. Острая нехватка денег сделала армию Густава II Адольфа совершенно призрачной. На море дела обстояли не лучше. Так что за 1612 год весь Гёталанд упал в руки датчан, а шведский флот и вовсе прекратил свое существование.

Лихорадочные попытки спасти положение ни к чему не привели.

Густав лично водил войска в атаки, проявляя завидное мужество и находчивость. Но ничем хорошим это не закончилось – король погиб в бою, а весь Свеаланд отошел к датчанам. К концу кампании 1613 года в руках шведской аристократии были только практически безлюдные провинции Норрланд и Эстерланд. Да и самой этой аристократии практически не осталось – повыбило в боях.

Поражение. Коллапс. Финиш. Страшное поражение в тяжелой и напряженной войне, подорвавшей все силы королевства. Династия пресеклась. Из возможных наследников остался только Сигизмунд III Ваза, польский король, которого сами шведы и выгнали за избыточное рвение в католической вере. То есть налицо династический кризис. Аристократия? Почти вся полегла в полях, а ее жалкие остатки были разорены до нитки. Экономика? Ее больше не было. Морская

блокада и война сожрали все, что можно было сожрать. И вот в таких условиях 25 сентября 1613 года в Або собирался Риксдаг.

Начались долгие и бесплодные споры. День за днем. Кристиан IV Ольденбург настаивал на полной и безоговорочной капитуляции. Шведов от этого сильно ломало и коробило. Ведь что это значило? Ликвидация короны да новые налоги. Конечно, аристократов обещали включить в тесную семью датских дворян, но это их мало грело. Средств к существованию у них больше не было, и вряд ли они могли появиться в ближайшее время. Кто и как покроет их долги? Кто и на какие средства станет восстанавливать их разоренные поместья? В общем – грусть и печаль. Промышленники и купцы тоже не сильно восхищались предложенным режимом… за который им придется платить из своего кармана. Да побольше, чем ранее. И длилось бы это собрание еще месяц, если бы король Дании в сердцах не пообещал отдать их земли Сигизмунду, оставив себе самые «вкусные» провинции.

– А чего не Дмитрию? – выкрикнул один из дворян.

– Какому? – переспросил кто-то.

И понеслось.

Вспомнили и про древнюю кровь, и про воинскую удачу, и про низкие налоги, и про упразднение таможен внутри державы, и про сытную жизнь тех, кто верно за него стоит. Риксдаг оживился. Вскипел. И вскоре датская делегация даже слова вставить не могла. Кристиан IV стоял с совершенно бледным видом. Ведь он заручился поддержкой всех. И Сигизмунда Польского, и Иоганна Бранденбургского, и Сигизмунда Саксонского, и многих других. А вот о том, чтобы урегулировать шведский вопрос с Дмитрием, он как-то не подумал. Тот последние годы был как-то замкнут сам в себе из-за произошедшей с семьей трагедии. Но это был не тот претендент на престол, с которым Кристиан хотел бы конкурировать.

Уже через час обстановка на Риксдаге дошла до того, что королю Дании пришлось спешно ретироваться с собрания, опасаясь за свою безопасность, а шведская делегация утром следующего дня отправилась в Москву.

Рыжий император восседал на своем жутковатом железном троне. Клинки трофейных шпаг, мечей и сабель были собраны в причудливую композицию. Их лезвия отполированы и чуть смочены маслом для блеска. Много мороки в обслуживании, но зато как эффектно сверкают в отблесках света! Да и сам монарх под стать. Крепкое, высокое, хорошо накачанное тело. Холодные, практически ледяные цепкие глаза. Туго заплетенная рыжая борода с массивным серебряным кольцом на конце. Строгая корона на тщательно выбритой голове. Боевое оружие, с которым он, казалось, никогда не расставался. И одежда – дорогая, но очень практичная, позволяющая без лишних хлопот немедленно вступить в бой…

Сам же император смотрел на гостей и думал. Предложение было весьма неоднозначно, хоть и заманчиво.

На одной чаше весов лежали минералы и микроэлементы, такие полезные для укрепления костей, клыков и когтей… Ну, то есть чудесное шведское железо, которое очень кстати пришлось бы для молодого и растущего организма его империи. Ведь оно было лучше, дешевле и доступнее, чем уральские месторождения или донбасские. Причем радикально. Да и цветные металлы, лежащие в тех землях, привлекали не меньше.

На другой чаше расположилась война. Конечно, Дания не была серьезным противником для его войска. Но шведский флот лежал на дне Балтики, а русского пока не появилось. А это проблема. Очень большая проблема.

– Ваше Величество, – наконец нашел в себе силы произнести Аксель Оксеншерна. Ему было не по себе от этого немигающего, давящего ледяного взгляда, смотрящего ему в переносицу. – Так вы согласны принять корону Швеции?

Дмитрий моргнул, выныривая из собственных мыслей. И улыбнулся настолько кровожадно и многообещающе, что шведская делегация вздрогнула и отпрянула.

– Да.

Глава 2

21 февраля 1614 года, Або

Шведский город на берегу замерзшего Ботнического залива встречал легион с императором хоть и радостно, но настороженно. Очень уж грозная у него была репутация. Дмитрия же это не сильно волновало. Выбрали? Выбрали. Наслаждайтесь. Так что, забравшись на удобную позицию, он молчаливо наблюдал за мерно продвигающейся колонной войск и думал.

Он вывел из своих земель всего один легион. Этого было очевидно мало. Впрочем, большее количество войск выдвинуть Дмитрий и не мог, понимая – если во время кампании кто-то нападет, можно будет и не успеть. Особенно если он окажется отрезан морем. А потом? А что потом? Вернется к разбитому корыту…

Уже к лету 1608 года стало ясно – Дмитрий перегнул палку. Сильно. Совсем. Кардинально.

В чем это выражалось?

Да в том же самом, в чем и во время приснопамятного разговора с иезуитом в Смоленске тогда, в 1605 году. Слишком много славы так же плохо, как и ее отсутствие. Ведь он как думал? Правильно. Славу получит, а последствия побоку. Полагал, что окружающие его гоминиды станут, как и в реальной истории, игнорировать все и вся, живя своими грезами. Но он упустил один момент – НАСКОЛЬКО выдающимися оказались его результаты. С войском в пять тысяч рыл выйти против ста тысяч и оказаться победителем? Легко. Да, степь… туземцы… Но опасные туземцы. И их было много. Реально. Очень. Кроме того, в их рядах имелись пять тысяч прославленных янычар, с которыми в Европе знакомы не понаслышке. А тут… легион Дмитрия их словно и не заметил. Смахнул как назойливую муху, с плеча.

Зашевелились все. От Варшавы до Мадрида. Не сразу, конечно, не в полном объеме и не самым разумным образом, однако, начав Шведскую войну, король Дании уже имел многочисленную малокалиберную артиллерию в подражание полковым «Единорогам». Применял он их бестолково, но их количество все одно

сыграли свою роль, обеспечив преимущество перед куда более отмороженными в натиске шведскими солдатами. Густав II Адольф оказался несколько не в том положении, чтобы создавать обновленный артиллерийский парк. А его отец Карл IX потерял «все, что нажито непосильным трудом» в первом же большом сражении. Том самом, где и погиб.

И все это очень сильно напрягло императора в 1610 году.

Нет, конечно, нервничать он начал еще в 1608 году, поняв, что натворил. Под впечатлением этого открытия он распустил 1-й Московский легион, пустив весь его личный состав на формирование новых частей и подразделений. А тех солдат, кто не мог продолжать толком службу, направлял в специально организованные школы. Чтение, счет, письмо, основы естествознания – и вперед, «оседать на грунт» в регионах, а заодно и за делами присматривать. Ведь в конце концов эти люди верили в него чуть ли не как в Бога. Словно ветераны Наполеона или Цезаря, они были готовы идти за ним до конца. А он, встречно, во всем на них мог положиться. Вот и пользовался.

К началу 1609 года вылупились уже три легиона, три отдельных пехотных батальона, семь отдельных кавалерийских дивизионов и возрожденный корпус преторианцев, ставший, как и прежде, ядром обороны столичной крепости. Само собой, все эти войска были только на бумаге, где уже «во всю ширь молодецкую развернулись» по новым штатам[12 - Подробнее о новом войске можно почитать в Приложении.]. На деле все было много хуже. Да, конечно, командный состав у них уже имелся – от младших унтеров до старших офицеров. Оставалось только набрать новобранцев и прогнать их через суровую учебно-тренировочную программу. Ну и вооружить, снарядить, оснастить, подкрепить толковыми тыловыми службами и материальной частью обозов…

А где-то к лету 1610 года Дмитрий понял – этого решительно недостаточно. В грядущих войнах ему придется по-новому удивлять своих врагов, чтобы побеждать. Но к началу Северной войны мало чего успел придумать. Что изрядно угнетало и нервировало. В сущности, кроме серьезной перетряски штатов и отбрасывания всего недостаточно эффективного, ему удалось хоть как-то внедрить только две вещи[13 - Подробнее о новинках можно почитать в Приложении.].

Во-первых, штуцер, заряжаемый с казны, который открывал кардинально новые возможности в ведении стрелкового огня. А во-вторых, фургон, ставший очень

серьезной модернизацией предыдущего стандартного армейского образца. Что, в свою очередь, серьезно поднимало мобильность и подвижность легиона на марше.

Безусловно, классные «фишки». Другой вопрос, что к концу 1613 года их удалось внедрить только в одном легионе облегченного состава, даже в ущерб преторианцам. Да и как это получилось – не до конца ясно. Чудо – не иначе…

– Государь, – осторожно поинтересовался Аксель. – Ты уверен, что этих войск хватит? Они хороши, это бесспорно. Но их мало.

– Будем обходиться тем, что есть, – чуть помедлив, ответил Дмитрий. – Или ты думаешь, что теперь к этому празднику жизни не подключится целая стая стервятников?

– Стервятников? – удивился Аксель. – О чем ты?

– Скажи, мой друг, кому на берегах Балтики стало хорошо от того, что я принял корону Швеции? Кроме Швеции и Руси.

– Ну… – задумался Аксель и завис.

– Я за дверь – они в окошко, – усмехнувшись, произнес Дмитрий. – Уверен, что так или иначе война за Швецию будет идти на обоих берегах Балтики. Мое усиление, и без того чрезмерное, испугало многих. Теперь понимаешь, почему я оставил один легион в Риге, а второй в Смоленске?

– Да, – после небольшой паузы произнес Аксель.

– И понимаешь, отчего я так долго думал над твоим предложением?

– Вполне, – кивнул Аксель. – Но теперь я не понимаю, почему ты не отказался! Ради чего?

– Не поверишь – вас жалко стало.

– Не поверю.

– А вариант с тем, что я просто люблю убивать, тоже не подойдет?

– Не думаю, что все так просто, – покачал головой Оксеншерна. – Да и не похож ты на тех, кто убивает из одной жажды крови. Ты выступаешь в поход малыми силами, соглашаясь на войну с очевидно большой коалицией. Да еще и в весьма невыгодных для себя условиях. Флота нет ни у тебя, ни у нас. Противодействовать датчанам просто нечем. На первый взгляд сумасбродство. Но… ты не выглядишь умалишенным. Не понимаю. Просто не понимаю.

– Я тоже, – загадочно улыбнувшись, ответил Дмитрий.

При желании он легко мог бы объяснить свой поступок голой выгодой и хорошо продуманной стратегией. Комар носа не подточит. Но себя он обманывать не хотел. Император действительно просто не понимал, зачем именно сейчас он ввязался в эту войну. И ради чего.

Кровь, борьба и нервные потрясения, что обрушились на него в 1603 году… сразу же и в большом количестве после странного попадания в это то ли прошлое, то ли какой-то параллельный мир, отстающий на несколько столетий. Они навалились словно тяжелый груз, от которого затрещала спина и задрожали ноги. Но главное – одиночество. Гнетущее и изматывающее.

Там, за кромкой, когда он еще и не думал о своем происхождении, Дмитрий испытывал определенное раздражение из-за ощущения чужеродности в среде родичей. Приемных, как позже выяснилось. Но девушки, друзья-товарищи и множество увлекательных дел как-то смазывали весь этот негатив.

Здесь же чувство чужеродности достигло абсолютного пика. Постоянная игра, поза и «фильтр базара». А главное – даже поговорить по душам не с кем. Например, Марина, казалось бы, один из самых близких людей в этом мире. Верящая в него. Любящая его. Пусть и потекшая слегка «крышей» после того, как он ее откачал. Но все равно – ближе и роднее не было никого. И даже ей он не решился открыться. Остальная же часть среды обитания была для него словно дурное кино. А уж когда его любимая супруга решила принять постриг, и подавно…

Что Дмитрий хотел доказать этой войной? И кому?

Он не знал.

Возможно, просто искал острых ощущений. Вынырнул из круговерти дел, отвлекающих от тяжелых, депрессивных мыслей. И пустился во все тяжкие. Чтобы просто не оставаться наедине с самим собой. Чтобы голова его была постоянно загружена чем-то сложным и всеобъемлющим.

А может быть, хотел умереть. Снова. Как тогда. В таком близком и одновременно далеком 1603 году… в те самые первые недели своей жизни здесь – в мире, где все ему кажется не так и не этак. Где будто бы даже воздух жмет и натирает легкие, словно дурной башмак, порождая неустанную, прямо-таки гнетущую жажду перемен…

Глава 3

25 марта 1614 года, Копенгаген

Король Дании хмуро смотрел в пустоту перед собой и нервно постукивал по столу.

Только что он узнал, что рыжий безумец преодолел огромное расстояние от Москвы до Або, а потом, форсировав замерзший Ботнический залив по льду, взял Стокгольм. Нагло и дерзко. Городской гарнизон был уничтожен настолько быстро, что просто не успел оказать сопротивление.

Более того. Король вообще узнал так быстро о случившемся только из-за курьезного случая. Один из офицеров гарнизона во время атаки оказался за городом с солдатами сопровождения. Навещал одну вдову в ее загородном поместье. Ничего необычного – любовь с первого раза, плавно перетекающая в массовую попойку и грабежи и без того не самого крепкого хозяйства, впрочем, совершенно беззащитного. Только это и спасло лейтенанта и его солдат от мгновенной смерти. Впрочем, ненадолго. Рейтары императора очень быстро и грамотно организовали разъезды, удивительно точно стреляя. Так что от отряда в полсотни головорезов ушел едва десяток. Да и лейтенантик пулю в плечо получил, навылет, к счастью.

– Сколько у него войск? – наконец спросил король у «счастливчика».

– Я могу только предполагать…

– Так предположи, – в раздражении фыркнул Кристиан IV.

– Немного. Тысячи три-четыре. Но все в добрых кирасах и шлемах. В основном пехота. Стрелки с аркебузами. Пикинеров не видел. Кавалерии мало. Хотя, возможно, она по округе была рассыпана. Видел только рейтар в добром снаряжении на хороших лошадях. Кроме пистолетов они вооружены еще и аркебузами, возможно штуцерами. Слишком уж точно бьют. Пушки мелькали, но толком не разобрать какие и сколько. И обоз. Большой, очень большой обоз. Мне показалось – с едой.

– Это все?

– Да, мой король.

– А шведские войска? Ты их видел?

– Нет, не видел. Но я не мог долго находиться возле города. Горожане и селяне были не в восторге от моего стремления навести порядок на тех землях. Сдали бы. Или сами на вилы подняли. Или рейтары бы догнали. Они у московитов резвые и шустрые.

Король окинул взглядом своих генералов. У них вопросов не было.

– Ступай, – произнес он офицеру и, когда тот покинул помещение, обратился к военному совету: – Что вы думаете?

– Три-четыре тысячи бойцов – это похоже на один легион, – начал говорить самый старый и опытный вояка. – Кроме того, наши люди в Речи Посполитой не сообщали о том, что легионы в Смоленске или Риге куда-то уходили. Скорее всего, это столичный легион «Рутения».

– Всего один легион? – удивленно произнес второй генерал. – Мне кажется, что император нас недооценивает. Или остальные войска еще не подошли.

– Или мы чего-то не знаем, – добавил третий генерал.

– Не знаем? Чего же?

– Император довольно смелый человек, но не безумный, – спокойно произнес скептик. – Даже когда выходил против степи, он прекрасно представлял силы, как свои, так и противника. Все свидетели той битвы говорят, будто бы она для него была какой-то забавой. То есть либо он безумен, как покойный Кайзер Рудольф II, либо его кампании строятся на расчете. А мы, оценивая его поступок, могли просто что-то упустить. Какую-нибудь мелочь, меняющую все. Вообще все.

– Разумно, – чуть помедлив, ответил король… – И что же это может быть?

– Риксдаг избрал его королем Швеции, – продолжил после небольшой паузы третий генерал. – Как мы все знаем – во время рокоша[14 - Ро?кош (польск. rokosz, буквально – бунт, мятеж) – официальное восстание против короля, на которое имела право шляхта во имя защиты своих прав и свобод.] Мнишеков в Речи Посполитой император не оказывал никакой особой помощи своему тестю. То есть не стремился занять престол Варшавы. Да и вообще активных завоевательных устремлений никогда не проявлял.

– Не проявлял? – удивленно воскликнул второй генерал. – Да он блистательно выиграл три военные кампании!

– Да, все так, – кивнул третий генерал. – Но эти войны начинал не он. Император все свое время после войны уделил возне с ремесленниками, дорогами и законами. Сидел тихо у себя на задворках Европы. Никого не трогал. Ничем не интересовался. Почему вдруг он решил ввязаться в эту войну?

– И почему же? – оживился король. Воевать с Дмитрием ему совсем не хотелось. Слишком уж грозной у того было репутация.

– Железо, – чуть помедлив, произнес скептик.

– Железо?

– Вы знаете СКОЛЬКО сейчас железа и чугуна делают на Москве? За последние годы его выделка выросла многократно. Поговаривают, что он обогнал шведов. И это не предел. Император словно одержим этим металлом. А своего железа на Руси мало. Я слышал, что он идет на немалые ухищрения, чтобы добыть подходящее количество поганой руды из болот. В Швеции же ОЧЕНЬ много железа. И оно весьма и весьма доброе.

– Вот оно как… – задумчиво произнес король.

Он как-то об этой стороне вопроса не подумал. А зря. Вполне возможно, Дмитрий и не планировал серьезно воевать. Да и, если подумать, зачем ему вся эта бойня на разоренных землях? Его землях. А значит, нужно попробовать договориться и разделить Швецию миром. Дании-то эта возня с железом была совсем неинтересной. Впрочем, чужая душа потемки и подстраховаться стоило бы. С этими мыслями он устремил свой взор за окно вдаль. И так уж получилось, что эта даль находилась по азимуту Стокгольма. А там, в свою очередь, Дмитрий проводил свой совет. Совсем другой.

Еще в Москве перед ним встала насущная проблема – восстановить хоть в каком-то виде шведскую армию. Хотя бы две-три тысячи бойцов для гарнизонной службы. В Або удалось с горем пополам сколотить три роты в сто «рыл» каждая. В Стокгольме же появилась возможность задержаться для подготовки к летней кампании. Вот он и уделил внимание в том числе и этому вопросу…

Сейчас же, после проведенной днем демонстрации, Дмитрий молча наблюдал за эмоциональной реакцией «верхушки шведов». Они не верили, что столь малыми силами он серьезно собирается воевать. И считали, что император сведет все к переговорам и разделу Швеции между Русью и Данией. Вполне реальный вариант, кстати. Дмитрий его обдумывал и оставил про запас, на тот случай, если основная задумка провалится. Но шведам-то нужно как-то объяснить свою уверенность, а то еще подумают, что с ума спятил. Вот и пришлось продемонстрировать новый штуцер, вызвавший у них целую бурю эмоций.

О да! Штуцер был песней! И вместе с тем еще той головной болью, попортившей императору немало крови.

Главной сложностью была не столько конструкция, сколько организация производства. Дмитрий прекрасно знал, что промышленный шпионаж возник

вместе с промышленностью современного типа. То есть в эпоху до относительно массового применения фабричного метода производства опасаться его не стоило. Но все одно – переживал. Поэтому не только создал небольшую СБ, которая заодно и за настроениями в столице присматривала, но и организовал очень необычный для XVII века процесс производства, распространив его вскоре вообще на все оружейное производство.

В его схеме от большинства участников не требовалось высокой или даже средней квалификации. Что в общем-то ими вполне осознавалось, даже несмотря на неплохую оплату труда. Вот сидит какой-нибудь рабочий калибровочного станка, который в течение своей смены делает однообразные, повторяющиеся операции. Никакого мастерства или осознания. Просто собранность, дисциплинированность и внимательность. Станок один и тот же. Оснастка одна и та же. Ну и так далее. Правит каналы стволов и думает о том, что он криворукий балбес, делает одну из самых простых операций. А там, где-то в других цехах, сидят настоящие мастера. Он-то видел оружие, что производит их завод. Шедевр! Такое столь безруким работникам, как он, не по зубам. И так – на каждом отдельном участке, в каждом отдельном цехе. Даже на сборочном конвейере, где из произведенных деталей горстка не самых квалифицированных работников собирала готовые узлы и изделия. Они точно так же были убеждены, что все эти замечательные детали делают мастера экстра-класса. Вон – одна к одной! Ну а как иначе? И это вполне устраивало Дмитрия. Конечно, он не лично рулил производствами, но количество людей, «посвященных в тайну», было весьма невелико.

И чтобы спокойно спать, он проверял время от времени – не вылез ли где ненужный хвост. Поэтому в одну из обязанностей СБ входило зондирование производственной картины, которую можно получить, если попытаться выведать информацию у рабочих и служащих. Да не целиком у кого-то взять все и сразу, а по кусочкам собирать, а потом обдумывать и склеивать воедино. Никто, конечно, так делать не станет. Ведь на дворе только начинался XVII век, и разведка была крайне скудна в своем функционале и возможностях. Но все равно. Мало ли? Этакое успокоение души.

И вот уже две проверки показывали, что рабочие на местах не то что общей картины не знают, но и даже на своем участке толком не разбираются. Просто ограничиваясь выполнением предписаний без их осознания. Бездумно «нажимали кнопки», ответственно выполняя только то, что от них требовали. Почему ответственно? Потому что на следующем технологическом участке могут

забраковать их труд и, если всплывет факт нарушения технологии, влепят серьезный штраф. А оно им надо?

Исключение составляли единицы, которые вполне искренне интересовались своей работой и пытались разобраться что к чему. Их СБ ставила на карандаш, формировала досье и подавала его «наверх», то есть на стол Дмитрию, для ознакомления. Как-никак – перспективные кадры, будущие «синие воротнички».

В общем, за новый штуцер император был спокоен. Даже если штуцер будет захвачен противником, то скопировать его смогут только «дедовским», то есть ремесленным, способом, так как иных в Европе в те дни не имелось. Но вот беда – они давали такую низкую производительность труда, что настоящий мастер-оружейник мог выдать едва один штуцер в год. А у Дмитрия штамповали по шесть штук в сутки. В среднем. Мистика, да и только! По крайней мере, для обитателей XVII века подобное обстоятельство порождало какие-то невероятные домыслы. Вплоть до того, что император вступил в сговор с подземными жителями – гномами, что трудятся в своих кузнях не покладая рук. И так далее, и тому подобное. Хотя, конечно, открыто про продажу души не решались говорить даже враги. Все-таки император воскресил человека.

Глава 4

5 мая 1614 года, окрестности Кальмара

Земля просохла. Обозные фургоны сменили полозья на колеса. Легионеры переоделись в летнюю форму, куда более подходящую для войны. А от датчан – ни слуху ни духу. Мало того, они практически без боев отошли из провинции Свеаланд. Просто потому, что гарнизоны их там были очень невелики. Хватило активности московских рейтар, чтобы вынудить их отступить. В то время как основные силы Кристиана находились на зимних квартирах в более удобной и теплой части этих земель – на юге Геталанда.

Император не очень хотел залипать в этой войне. Поэтому, утомившись ждать, начал наступление на один из самых значимых городов юга Швеции – Кальмар. Разумеется, блокируя по пути иные города с небольшими гарнизонами силами наспех собранного шведского ополчения. Вчерашние солдаты и наемники,

разбежавшиеся из-за опустевшей казны, вновь вернулись под знамена короля Швеции. Ведь у этого рыжебородого деньги водились.

И вот Кальмар.

Догадаться о том, куда двигается Дмитрий, не представляло никаких усилий. Поэтому Кристиан стал старательно стягивать туда все свои силы, опираясь на мощный флот и порт. Он полагал, что вся битва сведется к стоянию и переговорам… Однако все оказалось не так просто.

Раннее утро.

Легкий туман уже практически развеялся, открывая все поле боя без утайки.

Датская армия была велика. По местным меркам, разумеется. Двадцать тысяч пехотинцев с аркебузами, пять тысяч – с копьями. Шесть тысяч кавалерии: рейтар и кирасиров. А также почти полторы сотни фальконетов да пара десятков орудий покрупнее.

Дмитрий смотрел на все это великолепие в свою зрительную трубу и хмурился. На фоне противника его армия совершенно терялась. Без малого четыре тысячи пехотинцев с новыми штуцерами, четыре сотни рейтар да пятьдесят два разных «Единорога» трех основных калибров. Ну… еще сто восемь ручных мортир, утративших возможность стрельбы с рук за счет роста дальности удара. Этакие эрзац-минометы. Но, даже учитывая техническое превосходство, его войско не выглядело угрожающим, несмотря на репутацию. Ведь до датчан доходили только слухи о том, как император выводил своих людей на бой при соотношении сил один к двадцати и побеждал. Но все прекрасно понимали: слухи – это слухи. Там и слоны, бывает, летают.

Тишина.

Обе армии построились, приготовившись к бою. Но никто не желал наступать. Кристиан потому, что вообще не хотел сражения, а Дмитрий потому, что подставлять свое войско под столь многочисленную артиллерию ему не хотелось. Выехать бы на переговоры. Но Кристиану не с руки было выезжать при столь великом воинстве, а Дмитрий не хотел показывать свою слабость, выезжая на переговоры первым.

– Смешно, – наконец произнес император, осознав ситуацию.

– Что смешно? – переспросил Аксель, все мысли которого находились в другой плоскости.

– Вы бы видели свои лица, – хохотнул Дмитрий, не желая объяснять им очевидную вещь. Не в том он был настроении.

– А тебе это кажется шуткой? – удивился Аксель. – Их очень много!

– Я же тебе уже показал, насколько хорош мой новый штуцер, – лукаво улыбнувшись, произнес император.

– К черту штуцер! Ты разве не видишь СКОЛЬКО их?! А их артиллерия?! Именно она привела к гибели сначала Карла, а потом Густава.

– Да брось, – небрежно отмахнулся государь. – Одноглазый старик не допустит моего поражения. – Он как-то разом понял, что доводы разума в текущей ситуации совершенно неуместны. Аксель боится. И правильно делает. Император вон – тоже боится, хотя обладает всей полнотой информации о реальных возможностях своего легиона.

– Ты язычник? – Чуть ли не шепотом поинтересовался Оксеншерна после довольно долгой паузы.

– Язычник? Почему?

– Но Один, которого ты помянул…

– Ха-ха! А ты действительно думаешь, что он ушел? Ха! Или предполагаешь, что Всевышний будет лично бегать по всей округе и присматривать за делами на местах? Делать ему больше нечего! Он, конечно, всесильный и всемогущий, и подобное не потребует от него многих усилий. Но зачем? Ради чего? Поверь, у него есть куда более интересные занятия, нежели вот эта вся мелкая возня с такими ничтожными червями, как мы. Он создает миры и разумную жизнь по всей Вселенной. Наших, так сказать, братьев по разуму.

– Но… – попытался возразить Аксель и не нашел слов.

– Одноглазый сын Дурина[15 - Императору понравилась его бредовая фраза о том, что Один сын Дурина, которую он выкрикнул в истерике, пытаясь откачать жену. Прежде всего тем, что можно было в случае необходимости приплетать массу веселых приключений Средиземья. Видимо, в нем проснулись замашки прабабки Софьи Палеолог – страсть к сочинительству небылиц. Впрочем, в отличие от нее, ему и выдумывать особенно ничего не требовалось – фантастика и особенно ее направление «фэнтези» в XX–XXI веках сделали большую подготовительную работу.], – продолжал на ходу импровизировать Дмитрий, – как и многие другие старые боги, были просто им подчинены и подведены под свою руку. Став при нем словно знатные дворяне при короле. Из-за чего и многообразие конфессий вышло. Каждый в свою сторону клонит, хотя ходят они все под рукой одного Создателя. Так что, если тебе придет в голову хулить Одина, делай это где-нибудь на земле его врага. А тут – поостерегись. Еще обидится старик и припомнит, как до ветра выйдешь. Поскользнешься и проломишь себе голову сучком, окончательно затихнув в собственной моче. А оно тебе надо?

Кааар!

Громко и отчетливо подал голос большой черный ворон, севший на ветку высохшего дерева. Чистой воды совпадение. Умная птица прилетела покушать, а эти глупые человечки все еще друг друга не поубивали. Вот она и выражала свое негодование их нерасторопностью. Однако все вокруг императора подумали совсем о другом. Его шутка-импровизация произносилась довольно громко. И насквозь мистическое, суеверное мышление, характерное для эпохи, увидело в этом вороне знак. Ведь у Одина было два подручных – как раз вороны. Дмитрий же, желая закрепить случайный успех, тихо шепнул:

– Если сегодня одержим славную победу, нанесу на себя знак принадлежности к твоему роду… кровь от крови…

И, несмотря на шепот, эти слова были отчетливо услышаны всем ближайшим окружением.

Глазки у них округлились и даже слегка выпучились. Но слова никто поперек не сказал и вообще никак не прокомментировал. Даже несколько священников

православных и лютеранских, что присутствовали с войском, молча переваривали. Как и иезуит, которого император вынужден был таскать в качестве официального соглядатая папы римского. Вброс говна на вентилятор получился знатный. Не лопатой, но ковшом экскаватора. Государь даже как-то внутренне ужаснулся от того, какие последствия будут от его не самой удачной импровизации. Аж дух захватывало! Особенно на волне массового роста религиозного и политического сепаратизма в Европе, стремительно перерастающего в религиозные войны, до которых оставалось «рукой подать». И начал внутренне корить себя за то, что его язык опять пустился в пляс, не сильно согласовывая свое поведение с «офисом», то есть с головой. Этакая Джейн Псаки в свободном плавании. Но «откатывать» назад было уже слишком поздно. А потому, выдержав театральную паузу, он направился к полку полевой артиллерии…

Со времен кампании 1607 года артиллерийские штаты легиона сильно поменялись. Так, батарея полевой артиллерии из шести орудий развернулась в целый полк. Теперь там был дивизион в три батареи по четыре «ствола» в пять дюймов и отдельная тяжелая батарея из четырех орудий в шесть дюймов. Или, если говорить более привычными терминами для эпохи, дюжина 12-фунтовых и четверка 24-фунтовых бронзовых «Единорогов» на новых, полностью металлических лафетах.

– Готовы? – поинтересовался император у командира полка.

– Так точно, – козырнул тот.

– Начинай пристрелку из «пятерок». Цель – их артиллерия.

– Гранатами?

– Картечными.

Командир полка козырнул. Отдал несколько приказов и дальномерный взвод приступил к своей работе. Оптического дальномера, разумеется, у них не было. Они воспользовались зрительной трубой с системой рисок-отметок. Ее специально для того и изготавливали. Далее по таблице определялось примерное расстояние. Если ростовая фигура человека занимает две риски – значит, столько-то метров, если три – то столько-то. Потом оценивались

взаимное положение высот и по эмпирически выведенным таблицам стрельбы рассчитывалось возвышение орудия, ну и, в довесок, ожидаемое время полета снаряда для отмеривания затравочной трубки нужной длины…

Двух минут не прошло, как дальномерный взвод, опираясь на таблицы Брадиса и логарифмическую линейку[16 - Дмитрий нарыл в недрах кэша своего смартфона несколько интересных фото, которые навели его на мысли. С таблицами Брадиса практически не было проблем. Поняв, как они устроены, он очень быстро их рассчитал, записав от руки на бумаге и только потом передав для издания. Ну как быстро? За несколько месяцев. А с логарифмической линейкой были сложности – он изначально просто не знал, как она работала, как, впрочем, и положено для обитателей XXI века. Перерисовал ее со всем вниманием на лист бумаги. Потом сделал масштабный макет. Начал экспериментировать. И на каком-то этапе прозрел. Сказались три полных курса МГТУ им. Н. Э. Баумана, которые он отучился, и тот тяжелый блок математики, что ему пришлось освоить. И вспомнился, и дал о себе знать. Хотя на логарифмическую линейку он потратил около двух лет. Слишком уж непростым оказался для него этот орешек. Неформатным. О смартфоне можно почитать в приложении к статье «Дары волхвов».], рассчитал все что нужно, передал на батареи, и первая из четырех «пятерок» ударила слитным залпом для оценки накрытия.

Бах! Бах! Бах!

Ухнули орудия, окутываясь дымом.

Бум! Бум! Бум!

Чуть погодя вспухло четыре белых облачка недалеко от артиллерийских позиций противника. Гранаты, и особенно картечные гранаты, пугали артиллеристов всей Европы пока еще чрезвычайно. Поэтому «усвоение их в войсках» шло довольно туго. Их всеми правдами и неправдами избегали. К счастью для императора…

Спустя пару минут, внеся коррективы, ударила вторая батарея дивизиона.

И почти следом отозвались пушки с датской стороны. Самые длинноствольные. Но тщетно. Это у «Единорогов» императора стволы в сорок пять градусов задирались, обеспечивая удивительную дальность. У местной же артиллерии

даже при хорошем длинном стволе снаряды летели по слишком выраженной настильной траектории, а потому недалеко. То есть падали с изрядным недолетом, не представляя никакой угрозы для легиона.

После второго накрытия к «пятеркам» подключились и «шестерки», отправляя свои куда более увесистые подарки во врага. И из-за большей массы снаряда на такой дистанции рассеивание у них было ощутимо ниже, чем у «пятерок». И, как следствие, результативность огня куда как выше.

Надо сказать, что полк полевой артиллерии Дмитрий из-за незнания правильного штата разворачивал, ориентируясь на понравившуюся когда-то концепцию классического броненосца. Орудия среднего калибра нащупывают дистанцию, пристреливаясь, и только потом включается главный калибр. В этой связи он хотел даже не «шестерки», а «восьмерки» ставить. Однако не сложилось – слишком тяжелым получался «Единорог» такого калибра для полевой артиллерии. То есть «шестерка» выходила вполне разумным потолком.

Полчаса вялотекущего обстрела поставили Кристиана IV в очень неудобную позицию. Он должен был или наступать, чего не хотелось, или отступать, теряя лицо, чего тоже он совсем не жаждал. Ведь если стоять дальше вот так – можно было попросту положить всю армию самым глупым образом. Очень уж действенными оказались картечные гранаты. Даже те, что перелетали артиллерийские позиции, рвались над пехотой или кавалерией, нанося там немалый урон. Особенно «подарки» от четырех тяжелых орудий. Те вообще при удачном накрытии натурально выкашивали людей.

Чуть-чуть поколебавшись, он решился.

– В атаку!

И вот, минут пять спустя, все двадцать пять тысяч датских пехотинцев начали медленное движение вперед. К линейной тактике они еще не перешли. Выучки не хватало. Однако облегченными «испанскими коробками» выстроились.

Казалось бы – вот твой враг. Но Дмитрий огня с артиллерии противника не переносил, справедливо считая ее более опасным противником. Во всяком случае, способным причинить немалый урон. Поэтому весь полк полевой артиллерии продолжал бить по ней.

Пехота датчан вздохнула с облегчением, выйдя из-под обстрела. Но это продлилось недолго. По достижении отметки в полтора километра ударили «трешки» полковой артиллерии. Маленькие, легкие и очень маневренные бронзовые «Единороги» на полностью металлических лафетах, ставших стандартом.

Бах! Бах! Бах!

Бегло ударили три дюжины небольших стволов, угощая врага картечными гранатами своего калибра. Мелких и слабых, но все одно – опасных.

Бах! Бах! Бах!

Бах! Бах! Бах!

Полковые артиллеристы спокойно работали в ритме, оптимальном для удержания температуры стволов у предела перегрева. А когда противник прошел отметку в восемьсот метров, к ним подключились ручные мортиры гренадеров. Сто восемь стволов залпом обрушили на датчан гранаты «трешки», полностью унифицированные с полковой артиллерией, только обычные, а не картечные.

Но датчане шли дальше.

Потери в общем масштабе были пока терпимыми. Большими, но терпимыми, потому что большая часть пехотинцев двигалась в плотном построении и мало что видела вокруг себя.

И вот прозвучал свисток.

Легионеры первой линии заняли штатную позицию: первый ряд встал на колено, второй – над ними в полный рост. И залп. Первого ряда. Секунд пять спустя – второго. И снова, после пяти секунд ожидания, прозвучал свисток, после которого первый ряд ударил залпом.

Новый штуцер, заряжаемый с казны, позволял при должной выучке давать по десять выстрелов в минуту даже с позиции «на колене». Этим же император

сейчас бессовестно и пользовался.

А как это выглядело со стороны врага?

Сущим кошмаром!

Такой скорострельности не бывает! Не бывает! Тем более что и пули недурно так летели, попадая с пятисот-шестисот метров по плотным порядкам пехоты, вполне сохраняя убойность.

Бах! Бах! Бах!

В очередной раз ударили три дюжины полковых орудий, только в этот раз – дальней картечью. Ей стало в самый раз работать.

И датчане побежали. Резко как-то, нервно и совершенно смешав ряды. Их испугала картечь? Отнюдь. Она стала лишь отмашкой. Последней соломинкой – слишком уж губительным оказалось огневое воздействие русских в целом.

Наступила тишина.

Даже полевая артиллерия сделала паузу на остужение и чистку стволов.

Что делать дальше? Вопрос. Артиллерия датчан хоть и понесла изрядные потери, но все еще оставалась вполне боеспособной.

Но стоять и ждать у моря погоды было не с руки. И император дал отмашку к началу наступления.

Пехотный полк и резервный пехотный батальон выдвинулись вперед, а рейтары и штурмовики остались на позициях вместе с прочими, чтобы прикрыть полевую артиллерию и обеспечить базу на случай отступления.

Дмитрий лично выехал в боевые порядки полка.

И под характерную музыку «Московского пехотного марша»[17 - «Московский пехотный марш» был вариантом «BritishGrenadiersSong», с ранним исполнением которого можно ознакомиться вот здесь https://www.youtube.com/watch?v=PGrxHO-B2TY и здесь https://www.youtube.com/watch?v=CbBojWrOV2Y] пехота двинулась вперед.

Каждая рота – три линии-взвода по две шеренги в каждой с заметным промежутком. Всего десять штыков в ряд. Узкий фронт. Но к нему прилегала еще одна рота на удалении всего двадцати шагов. Полк – три батальона по три такие роты. Плюс резервный батальон – еще три роты в тыловой формации для прикрытия от флангового удара и в качестве оперативного подкрепления.

Кристиан и все его генералы, а также прочие сопровождающие смотрели на все это действо и дивились. Сложное, по их меркам, построение выдерживалось безукоризненно. Легионеры шли, сверкая своими кирасами и шлемами, словно надрессированные болванчики. Нога в ногу. Строй как по линейке. А разрывы в построении наводили на аллюзии с тактикой древнеримских когорт, про которую многие читали или хотя бы слышали. Но вживую, разумеется, никогда не видели.

Видя уязвимость столь рыхлого построения к удару кавалерии, король приказал это осуществить. Все-таки шесть тысяч кирасир и рейтар – сила немалая. Даже потрепанная артиллерией. Да и пехоту надлежало как-то прикрыть, дабы привести в порядок после разгрома.

Но не тут-то было.

Барабаны и флейты затихли.

Первый ряд первой линии встал на колено. Второй навис над ним. И, когда до кирасир было около шестисот метров, легионеры дали первый залп. Следом второй. Потом третий. Четвертый. И так раз двадцать.

Губительный огонь, словно шквалистый порыв ветра, ударил в датскую кавалерию, отбрасывая ее и терзая плоть самым нещадным образом. Атака захлебнулась так и не начавшись. Кирасиры с рейтарами просто не смогли выйти на позиции для построения к атаке.

Легкая пауза.

Барабанная дробь. Несколько странных звуковых сигналов.

И вторая с третьей линией продвигаются вперед, переведя свою первую в тыл. Дмитрий не хотел, чтобы у передовых отрядов «вдруг» закончились патроны. Да и вообще, еще на стадии тренировки отработал эту ротацию линий, дабы без излишнего бардака выводить в тыл наиболее потрепанные и уставшие в случае нужды.

Вновь зазвучал «Московский пехотный марш». И легион двинулся вперед. Мерно. Невозмутимо. Словно бы он только что отмахнулся от навязчивой мухи и как ни в чем не бывало двинулся дальше.

Кристиан же приказал трубить общий отход.

Требовалось срочно вывозить артиллерию и спасать пехоту. Потому что ситуация становилась совершенно критической.

А Дмитрий, видя эту возню в датском лагере, особенно не спешил вперед. Да, огневое преимущество было на его стороне всецело. Но вдруг вся эта толпа ломанется вперед? Рукопашная свалка при столь диком численном превосходстве – удовольствие ниже среднего. Победить, наверное, победит. Но потери будут совсем неприемлемые. Конечно, разбить и уничтожить датскую армию в первом же генеральном сражении – соблазнительно, но вряд ли возможно в текущих условиях.

Глава 5

17 мая 1614 года, окрестности Мальмё

Битва при Кальмаре завершилась. Раненых врагов добили. Трофейную команду выделили. А гарнизон города после переговоров согласился сдаться Дмитрию. Да, в их руках было очень мощное укрепление – Кальмарский замок. Однако комендант крепости имел под своей рукой всего две сотни бойцов, не пригодных

для полевого боя. Этакую инвалидную команду. И это неудивительно, ведь король Дании выгреб все пригодные силы для полевого сражения.

В общем – все прошло очень мягко, почти ласково. И, если бы на поле под Кальмаром не лежало семь тысяч двести девять трупов, можно было бы подумать, что произошла не битва, а какая-то игра. И этот диссонанс заметили все. А потом на императора все стали коситься.

– Что? – наконец не выдержал он, когда Аксель вновь бросил характерный взгляд, вроде бы незаметно.

– Ты обещал нанести на себя знак рода, если выиграешь битву.

– Обещал и выполню свое обещание.

– Когда?

– Когда смогу найти человека, способного это сделать. Или ты умеешь наносить на кожу узоры?

– Среди ополчения есть несколько солдат, что жили в глубинке… – осторожно произнес Аксель. – Там чтут древние традиции и помнят многое из того, что мы забыли.

– Они христиане? – повел бровью Дмитрий.

– Конечно! – произнес, примирительно вскинув руки, Оксеншерна. – Все мы христиане… в большей или меньшей степени. Главное же – они смогут тебе помочь выполнить обет.

– Это мой обет. Почему он тебя так волнует?

– Он волнует всю твою армию. Всех. Даже слуги в обозе, которые, безусловно, уже знают о твоих словах. Это правда? Ты кровь от крови Одина?

– Так гласит семейная легенда, – уклончиво ответил Дмитрий.

– Тем более! Если Один принял Христа и стал его наместником в Скандинавии, то…

– Ладно… – перебил его Дмитрий, едва сдерживаясь от того, чтобы прокомментировать, что он на самом деле думает обо всем этом угаре. – Веди своих солдат. Посмотрю, что можно будет сделать.

Спустя час к императору прибыли трое мужчин в возрасте, совершенно обычного вида.

Пообщались.

И отправились в церковь Кальмарской крепости, где их ждали священники трех христианских конфессий для совещания. Совсем уж дурить император не желал.

– Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмен, – процитировал православный священник книгу Левита. – Посему греховно наносить эти узоры.

– Вы тоже так считаете? – обратился Дмитрий к пастору лютеранину и иезуиту.

– Да, – хором ответили они.

– В какой книге были сказаны эти слова?

– В книге Левита.

– Которая была написана до пришествия Христа? Я прав?

– Безусловно.

– А о ком же тогда речь? Кто тот умерший, из-за которого нельзя так поступать? Ведь не Христос же. Да и отчего его умершим называть? Он ведь воскрес.

Все задумались. Потом, после некоторого размышления, иезуит произнес.

– Полагаю, что любой умерший, который был дорог в жизни. О том же говорится и во Второзаконии.

– То есть этими словами прямо запрещается делать татуировки в честь умерших родичей, друзей, возлюбленных и прочих подобных? Так?

– Так, – нехотя кивнули священники.

– А что говорит Святое Писание о других ситуациях? Есть ли запрет на выполнение обета, данного одним христианином другому?

– Нет, – произнес православный священник, – но тело – храм Божий, созданный волею его, и не нам изменять его. Оно и без того хорошо весьма, как прямо говорится в Бытие.

– Но ведь мы строим и украшаем храмы. Зачем? Господь Бог ведь их не возводил. А все, созданное им, хорошо весьма. Не есть ли в строительстве храмов грех великий? Или, может быть, в Бытие речь шла о том сиюминутном мгновении, что Всевышний наблюдал за плодом дел своих? А потом все пошло как пошло. Ведь он выпустил на Землю людей и позволил им творить что заблагорассудится в рамках их собственной доброй воли. Хотят зло, значит, будет зло. Хотят добро, значит, будет добро. Дабы зерна отделились от плевел. Сами. Ведь сказано же, что сотворил нас Господь по образу и подобию своему. А он – суть великий Творец. Или, быть может, я не прав и все храмы, города и прочее, сотворенное руками человеческими, нужно разрушить, дабы привести мир в первозданный облик?

Новая пауза. Дмитрий намекнул священникам настолько толсто, что те даже растерялись как-то.

– Рассудите меня. Как должно мне поступить? Нужно ли соблюдать обет, данный одним христианином другому, или нарушить слово свое, опираясь на одни лишь домыслы?

Разговор, разумеется, записывался. Слово в слово. Из-за чего каждый из священников испытывал непреодолимое желание испариться. Принимать решение и взваливать на свои плечи ТАКУЮ ответственность очень не хотелось. Однако на улице ждали легионеры и шведские ополченцы, которые не смогут

понять и разделить такое малодушие.

В общем, поколебавшись немного, все трое уклончиво согласились, что обет важнее, и позволили нанести императору символ во имя славной победы. Причем заметили, что на символе, безусловно, должен присутствовать крест, дабы дурные головы ничего вздорного не подумали. Допустив при том его аллегорическое изображение, например в виде меча.

После чего Дмитрий «попросил» всех трех священников во время нанесения татуировки молиться и воскуривать ладан. А краситель, который втирали в его кожу, освятить и благословить. Что они и сделали. Не искренне, конечно, но выбора у них все равно не было…

Работа шла долго.

Все восемь часов до полуночи трудились. Потом всю ночь молились, смазав татуировку освященным елеем, то есть оливковым маслом. И только утром Дмитрий вышел из церкви к людям «топлес» с уставшими священниками за спиной.

На плече его правом красовался символ Инквизиции из DragonAge. Длинный меч с хорошо выраженным перекрестьем покрывался большим глазом. И от места их пересечения во все стороны расходились вьющиеся лучи. Пара из этих лучиков, затейливо переплетаясь, уходила по плечу вверх, пробиралась по шее, превращаясь на правой стороне лица в символическое изображение ворона. Близкое к тому, что было у Рагнара Лодброка в сериале «Викинги». А прочие лучи словно бы держались за руку, как бы обнимая ее, охватывая на три четверти.

Никаких мелких деталей. Все крупно и контрастно.

И, разумеется, как и подобает свежей татуировке, она была в кровавых разводах, что только добавляло символизму.

Легионеры и шведские солдаты радостно закричали, выражая одобрение. Обет, данный высшим силам, выполнен. А значит, они не отвернутся от них. И уже в обед войско выступило на юг, преследуя отступающего Кристиана IV.

Императору приходилось соблюдать все необходимые меры предосторожности. Ежедневно со всем радением промывать татуировку, ожидая ее заживления. По нескольку раз в день менять нижнюю одежду и обтираться святой водой. Ну… то есть просто водой, над которой священники поводили руками, что-то побормотали и чего-то туда помакали. Правда, предварительно император велел ее пропускать через кипячение с серебряным крестом на дне котла. Для пущей святости. И лапы священников спиртом протирать перед освящением. А то еще какая бацилла в обширные сочащиеся кровью раны на его коже попадет.

Так и ехали.

На седьмой день раны зажили окончательно, оставив после себя сочную и четкую татуировку. А Дмитрий позволил себе больше не устраивать этот «цирк с конями» на каждом привале.

И вот легион подошел к городу Мальмё – фактически старой столице шведских владений Дании. Мощная крепость, много пушек и, что немаловажно, большая армия в предполье города в земляных редутах. Кристиан IV, очевидно, не желал больше участвовать в полевом сражении. Но и отдавать пригород Мальмё на разорение не хотелось. Вот он и пошел на такое ухищрение. Благо, что гарнизону крепости и привлеченным жителям было довольно времени для работ.

Дмитрий осмотрел в зрительную трубу диспозицию и совсем пригорюнился. Стараясь, впрочем, вида не подавать.

На крепостной стене отчетливо наблюдали большие бронзовые кулеврины – «Василиски». Там не только ядро в 48 фунтов весом, но и ствол длиной порядка 26 калибров. А главное – стоит она высоко и в случае необходимости бьет очень далеко и довольно точно. Для гладкоствольного орудия, разумеется. Очевидно, что раньше эти орудия стояли на стороне, обращенной к морю. Сейчас же их переместили «на другой борт». Но главное, эти чертовы датчане соорудили над артиллерийскими позициями легкие деревянные навесы, крытые досками, прекрасно защищающие от пуль картечных гранат.

Ситуация.

И что самое плохое – легкая артиллерия, в основном спасенная Кристианом IV с поля под Кальмаром, разместилась теперь на редутах, будучи точно так же прикрыта, что и крепостная. Навесами то есть.

Мечты сбываются!

Но тянуть кота за всякие места времени не было. Нужно было нападать, давить и побеждать, не отдавая инициативу в руки врага.

«Василиски» со своих позиций били очень далеко. Дальше «Единорогов» Дмитрия. То есть, выведя их на открытую позицию для обстрела редутов, император подставлял свои орудия под удар датской крепостной артиллерии. Плохая идея. Поэтому Дмитрий поместил полк полевой артиллерии за небольшим холмом – вне пределов видимости и возможности поражения «Василисками» с их настильной траекторией полета снаряда.

Этакий эксперимент с ведением огня с закрытых позиций, с которым приходилось экспериментировать на ходу, буквально на коленке. Хорошо хоть дальномерный взвод оказался прекрасно натренирован и понял идею практически сразу.

Ну а почему нет? Стоит, значит, человек с подзорной трубой да наблюдает за городом. Что плохого? Обычная рекогносцировка. Никто по нему из пушек стрелять не станет, ибо по меньшей мере не понимает зачем. Ведь корректировки, передаваемые флажковым сигнальщиком, укрытым за холмом, от крепости и с редутов не видели.

Вот и вышло, что, аккуратно пристрелявшись обычными гранатами по ближайшему редуту, полк полевой артиллерии очень быстро перепахал его к чертям собачьим. Потом пришел черед следующего редута. А вот с третьим не получилось, потому что Кристиан IV, наблюдавший этот кошмар в зрительную трубу, приказал отводить войска в крепость. Ибо на фиг надо так подставляться.

Полк переключился на крепость. И тут выяснилась одна досадная неприятность. Гладкоствольные орудия калибром что в пять, что в шесть дюймов плохо подходили для борьбы с действительно сильными крепостями. Тут требовались восьмерки или даже десятки… В общем – приплыли.

Конечно, можно было бы вывернуться и сначала попытаться выбить артиллерию долгой перестрелкой. А потом ринуться на общий штурм. Но императора этот вариант мало устраивал. Потому что в этом случае здесь бы война и закончилась. Ведь боеприпасов у него ограниченное количество, а людей мало. Совершенно очевидно, что штурм начался бы не раньше расхода всех гранат и был бы ОЧЕНЬ кровавым. Ну и да – совсем не факт, что крепость удалось бы взять. Очень уж там многочисленный гарнизон и мощные укрепления.

Вот он и завис в своем шатре, размышляя над извечными вопросами Руси: Что делать? Кто виноват? Ну и так далее по списку.

Но ему даже толком помедитировать не дали. Прибыл разъезд рейтар, сообщивший, что от Ландскруны движутся какие-то войска…

Глава 6

18 мая 1614 года, окрестности Лунда

Оставив для блокирования Мальмё шведских ополченцев и резервный батальон пехоты, Дмитрий двинул весь остальной легион на север – к Лунду. Минул его. И в паре километров к западу встретил довольно крупный отряд войск.

И это были совсем не датчане…

– Ты уверен? – Несколько удивленно переспросил император Акселя.

– Да, – кивнул тот. – Это войска Гольштейна, как Глюкштадта, так и Готторпа, Мекленбурга и всех трех Помераний. Правда, с бору по сосенке. По полку.

– М-да, – покачал Дмитрий головой. – И вряд ли они идут к нам на помощь.

– Может, все же поговорим?

– Конечно, поговорим, – охотно согласился император. – Самому интересно, чего они здесь забыли.

Съехались.

Командовал войском герцог Гольштейн-Готторпа, ведущий себя ну очень нервно. Особенно когда увидел татуировку на лице императора, блистательно сочетавшуюся с внушительным крестом «на пузе», то есть демонстративно вывешенном красивом золотом чеканном кресте на изящной цепи. Раньше Дмитрий такими аксессуарами пренебрегал, однако после нанесения татуировки был вынужден использовать от греха подальше.

Переговоры были бесплодными.

Герцог, судя по всему, вел войска, высаженные датчанами в Ландскруне, для удара армии императора в тыл. Но, очевидно, не успел. От чего сильно нервничал и дергался. Плюс еще эта татуировка и вообще крайне эпатирующий вид Дмитрия. Жесткий, прямо-таки ледяной взгляд голубых глаз. Чисто выбритый череп. Заплетенная рыжая борода с массивным серебряным кольцом на конце, украшенным чеканкой со странными узорами. Ну и так далее. Он всем своим видом пугал привыкшего к совсем иным типажам герцога.

Разъехались.

Полезной информации от этого изрядно перепуганного типа получить не удалось. Стало понятно только одно – Кристиан IV, истребитель ему в ангар, умудрился сколотить весьма внушительную коалицию. Включавшую в себя и Речь Посполитую, и Саксонию, и Бранденбург, и многие другие державы. В общем, не зря Дмитрий оставил в Риге и Смоленске по легиону. Ой как не зря.

Ударили барабаны, заиграли флейты. И ровные шеренги легионеров двинулись вперед. Противник же застыл в обороне.

Триста метров до противника.

Звук рожка.

Барабаны и флейты умолкли.

Прозвучали отрывистые команды.

Первый ряд первой линии встал на колено.

Свисток. Залп.

Спустя пять секунд.

Свисток. Залп. Уже второго ряда, что стоял в полный рост и бил поверх голов первого.

Свисток. Залп. Ударил первый ряд, спустя пять секунд после второго. Он уже перезарядился. Без спешки.

Свисток. Залп.

Свисток. Залп.

И с каждой новой порцией пуль бардак в стане врага становился сильнее.

Иоганн упал на втором залпе, потому как носился перед позициями своих солдат и что-то кричал.

На десятом залпе весь фронт позиций противника был завален ранеными и убитыми. Включая практически всех офицеров.

Пятнадцатый залп прозвучал уже в спины беспорядочно побежавших противников.

А легионеры, закинув штуцера за спину, извлекли шпаги из ножен, пошли вперед – добивать раненых.

Полчаса возни.

– Обоз захвачен, – доложил подлетевший на своем коне командир рейтар. – Увидев нас, они даже не стали сопротивляться. Бросились врассыпную.

– Отменно, – кивнул Дмитрий.

И тут до него донеслись звуки артиллерийских выстрелов со стороны Мальмё.

– А это еще что такое? Всем дивизионом выступаешь к нашим позициям под городом. Немедленно. Если помощь можно оказать – окажешь. Понял?

– Так точно, – произнес командир рейтар, повторил приказ и повел свой дивизион по дороге на Лунд. При нем был, конечно, всего один эскадрон, поэтому он направил вестового к обозу, откуда вскоре подошло еще два. И только собрав их в единый кулак, командир рейтар выдвинулся к Мальмё. А император последовал за ним, оставив для прикрытия в направлении Ландскруны всего один пехотный батальон с дивизионом полковых орудий. Не бросать же обоз. Да и вообще – опасное направление. Мало ли сколько там сил высадилось?

Стрельба вдали довольно быстро стихла.

И не успела пехота дойти до Лунда, как вернулись рейтары, доложив, что вылазка датских войск из Мальмё успешно отражена с огромными потерями для нападающих. Батальон пехоты, развернувшись в одну тонкую линию в две шеренги, показал датчанам и кузькину мать, и отца, и брата, и свата, и прочих родичей. Шведское ополчение, вооруженное обычными ружьями с колесцовыми замками, поучаствовало в этом празднике жизни только под финиш, да и то – всего одним залпом. По предварительной оценке тысяч пять датчан повыбило.

Император нахмурился.

Несмотря на два новых, решительных успеха, ситуация нравилась ему все меньше. Этакая борьба кита со слоном. Он бьет всех в полевом сражении, но не в силах взять мощные крепости, на которые опирается противник. Очевидно проигрышная композиция. Ведь в крепостях большой запас боеприпасов и провианта. Их положение более выигрышно. Тем более что Дмитрий, позиционируя себя королем Швеции, местных пейзан не грабит. То есть каждый час промедления играл против него.

Что делать? Неужели он проиграл? После столь славной победы при Кальмаре? Ведь что в войсках и селах подумают? Правильно. Сделал татуировку грешник проклятый, вот Всевышний и отвернулся от него. А то, что взятие таких крепостей без мощной артиллерии практически невозможно, – то мелочи, оставленные за кадром. Кто о них знает? А если и знает, то разве это довод для насквозь мистического мышления людей, каковым оно оставалось во многом даже в XXI веке?

Впервые за все годы пребывания в этом не то времени, не то мире, императора стала охватывать паника. Провал сейчас – это же конец. Совсем. Полный. Он слишком заигрался со своей импровизацией. Не отмыться… Отвернутся ли от него люди? Неизвестно. Но могут. А значит что? Все коту под хвост. Все дела, все усилия, все попытки и новинки.

– Государь? – произнес дежурный офицер.

– Что? – как можно спокойнее ответил Дмитрий. Несмотря на панические настроения, он продолжал держать маску невозмутимости.

– Прибыл разъезд, что ходил к Мальмё.

– Зови.

Те немедленно зашли.

– Что там? Датчане подтянули флот?

– Да, государь, – кивнув, произнес легионер. – Только ветра почти нет. Они корабли шлюпками таскают. Едва-едва ворочая. Сейчас расставляют так, чтобы поддержать в случае чего крепость.

– Шлюпками? – произнес Дмитрий и как-то рефлекторно рукой тронул татуировку ворона на своей правой щеке. – И давно?

– Не можем знать.

– А что, часто ли у вас тут штили? – обратился император к хмурому Акселю, сидящему совершенно безучастно там же в палатке. Он не хуже Дмитрия понимал пагубность диспозиции.

– Бывают, – пожал плечами он.

– И насколько они продолжительны?

– Когда как, – не понимая смысла данного вопроса, ответил он.

– А это интересно… – произнес император, расцветая лицом. – Очень интересно.

– Чем же? – оживился Аксель. Он прекрасно заметил изменения в настроении своего короля.

– Стучитесь и вам откроют. Не дверь так окошко. Не окошко так дымовую трубу. Не сами так случайно.

– Не понимаю… – покачал он головой.

– Блаженны нищие духом. Знаешь почему? Потому что нищие – это не те, у кого нет, а те, кому не хватает. А значит, они ищут, пытаются, стремятся. Они никогда не довольны тем, что имеют. Они всегда хотят больше.

– Все равно не понимаю, – покачал головой Аксель.

– Сюрприз будет, – подмигнул Дмитрий и кровожадно оскалился.

Глава 7

20–21 мая 1614 года, Хельсингборг

Оставив под Мальмё только шведских ополченцев, Дмитрий самым стремительным маршем, на какой только был способен его легион, ринулся к

Хельсингборгу – самому узкому месту Зунда. Командиру же ополчения рекомендовал дня два-три постоять под городом да и отходить следом. Все-таки в Мальмё оставалось еще довольно много войск. И его полторы тысячи новобранцев устоять перед ними не могли. А так – и внимание отвлекут, и арьергардом послужат.

Остатки войск, разбитых им при Лунде, засели в Ландскруне и носа оттуда не высовывали. Да и как иначе? Командование осталось лежать в поле. Походная казна, кстати, тоже. Поэтому пределом их оперативного искусства и инциативы в текущей обстановке была только глухая оборона на укреплениях. Мало того. В сторону Дмитрия не прозвучало ни единого выстрела. Вообще. Видно же было невооруженным глазом, что он идет куда-то мимо. Вот пусть и идет. Нечего его внимание привлекать. Хотя крепостная артиллерия вполне могла немного потрепать легион.

И вот Хельсингборг.

Сам город для Дмитрия интереса не представлял. В отличие от замка – одного из самых величественных замков Ренессанса, как и его брат-близнец, стоящий через пролив. К счастью, строители, работавшие в конце XVI века, обошлись без земляных укреплений. Но главным уязвимым местом обоих замков были их весьма умеренные размеры и небольшой гарнизон. Кристиан IV как-то не предполагал удара по этим укреплениям. Ради чего? Какую цель можно было преследовать, захватывая их? Ведь они стерегли устье Зунда и никакой ценности в ином плане для Дмитрия не представляли. Для строго сухопутной армии не выглядело разумным нападать и штурмовать укрепленные позиции, не приносящие оперативных выгод при условии множества других, куда более важных целей. Ведь даже если император возьмет замок Хельсингборга, то разве сможет перекрыть Зунд? Нет. «Василиски», стоящие на укреплениях, просто не простреливали весь фарватер, так что корабли могли спокойно идти, прижимаясь к замку Хельсингера. А штурмовать укрепления Хельсингера без флота для Кристиана выглядело совсем уж чем-то немыслимым…

Дмитрий занял позицию чуть юго-восточнее, на берегу небольшой реки. И почти сразу вывел полк полевой артиллерии на закрытые позиции, позволяющие им надежно и безопасно работать по замку. Залпами. А в прикрытие дал роту пехоты. Мало ли противник решится на вылазку?

Остальные же войска развернули бурную возню на берегу.

Кто-то двинулся вдоль побережья для экспроприации шлюпок и рыбацких лодок. Кто-то стал подходящие деревянные дома разбирать. Однако датчанам было не до анализа этой малопонятной и плохоразличимой активности. Потому что очень быстро полк полевой артиллерии создал замку изрядные неприятности, всецело поглотившие гарнизон.

Чему противостоять должен был замок Хельсингборга? Правильно. Обычным ядрам. А чем по замку «работали»? Гранатами. Многие раскалывались при ударе о каменную кладку. Многие отскакивали. А вот некоторые застревали, перед тем как взорваться и выломать изрядный кусок кладки. Особенно «больно» становилось от шестидюймовых гранат. Из-за чего спокойный, размеренный обстрел замка уже через два часа превратился для него в кошмар. Три очага пожара. Обширные разрушения на батарее, куда-таки залетела граната…

А ночью император совершил стремительный натиск на укрепления. Причем не там, где стена была повреждена, а обойдя его в ночной темноте с тыла. То есть там, где численность небольшого гарнизона была весьма незначительна. Да что и говорить – какой-то шум поднялся только тогда, когда штурмовики уже взобрались на стену.

Дальше дело техники.

Сонные, уставшие, потрепанные тяжелым обстрелом бойцы гарнизона не смогли остановить напор штурмовиков с их дробовиками.

Бум!

Взрывалась ручная граната, аккуратно закатившаяся из-за угла.

Бах! Бах! Бах!

Били дробовики влетевших в помещение штурмовиков, осыпая все возможные цели картечью. А следом влетала вторая волна – со шпагами наперевес – и с ходу вступала в схватку.

Работали привычно, чисто и аккуратно. Датчане же в принципе не могли ничего им противопоставить. А туда, где они хоть как-то закреплялись, залетало

несколько гранат…

Утро 21 мая 1614 года. Густой молочный туман стелился над Зундом.

Гарнизон замка Хельсингера видел и начало осады, и действенность артиллерии нового короля Швеции, и ночную стрельбу. Самыми их худшими ожиданиями было падение замка. Да, это выглядело сомнительным, но чем черт не шутит?

Но все было намного хуже.

Утром из густого тумана вынырнули многочисленные шлюпки, практически под носом у крепости. И легионеры, сохраняя тишину, вытащив из лодок складные лестницы, стали их деловито собирать. А потом, когда все было готово, также в полной тишине пошли на приступ замка, в котором даже часовые дремали, не ожидая никакого подвоха. И только когда легионеры стали устанавливать лестницы, один из бойцов гарнизона обратил внимание на странную возню внизу.

Он никогда в своей жизни не участвовал в боях – так в гарнизоне и сидел. Поэтому еще с полминуты тупил, пытаясь сообразить, что же это такое творится.

Попытался закричать. Но пересохшее горло издало лишь какой-то невнятный скрип.

Попытался выстрелить. Но фитиль его аркебузы не был зажженным.

Выхватив огниво, часовой нервно заработал им, пытаясь зажечь фитиль. Сбил пальцы в кровь от волнения. Но справился.

Бах!

Как-то удивительно резко ударил по ушам выстрел в этой тишине. Взлетели птицы, громко замахав крыльями.

– Какого черта ты творишь! – раздался громкий крик капитана.

– Враги! – попытался что-то прохрипеть пересохшим горлом часовой.

– Что? Не понимаю, что ты там лопочешь! Громче!

– Враги! – вновь прохрипел часовой, указывая рукой за стену.

Капитан напрягся, уловив не столько слова, сколько интонацию. Да и лицо часового не выражало ничего хорошего. Он решил подойти уже и посмотреть. Но было поздно. Штурмовики практически взобрались по штурмовым лестницам и, когда капитан был в пяти метрах от парапета, стали выскакивать на стену.

– Враги! – заорал во всю свою луженую глотку капитан. Из-за чего и умер первым.

Спустя час замок Хельсингера был взят.

Что позволило Дмитрию начать переправлять свои войска на дивный остров Зеландию. В дело шли любые плавательные средства. Из деревянных домов вязали плоты, которые цеплялись на буксир из шлюпок, и тащили через те четыре с гаком километра пролива. Благо что на море продолжал стоять штиль, время от времени сменяемый слабым ветерком.

Штурмовики же отдыхали.

Не зря император вкладывал в них столько сил. Не зря таскал с собой. Штурм укреплений был их коньком точно так же, как для линейной пехоты родной стихией являлся полевой бой. И здесь они себя показали прекрасно. Тем более что роту штурмовиков император сохранил даже после реформы 1608 года, не подвергая расформированию. То есть там были матерые ветераны, с прекрасно раскачанным и натренированным телом. Мастера шпаги, гранаты, кулака и дробовика. А их кирасы были усилены дополнительным нагрудным листом из хорошо закаленной тигельной стали. Его надевали только перед натиском, дабы снизить потери от стрелкового огня противника. Ничего даже близкого в мире в те годы не было.

На самом деле захват что Хельсингборга, что Хельсингера был чистой воды импровизацией. Ибо император планировал просто немного пострелять, отвлекая внимание датчан, а потом переправиться чуть в стороне от укреплений. Он вообще решился на штурм Хельсингборга только под вечер.

Почему бы и нет? Гарнизон был, очевидно, мал. Слишком мал. Да и в случае промаха он терял всего роту, и не факт, что целиком. Очень опытную и матерую, но всего лишь роту. А в случае успеха – получал крепость, способную перекрывать часть фарватера Зунда.

Успех в Хельсингборге оказался настолько разительным, что император решил попытать счастье и с Хельсингером. Вдруг получится? Ведь если наглое и дерзкое нападение окажется успешным, то он перекроет Зунд! Да, останутся и другие проливы. Но все равно – успех! А главное что? Правильно. Будут созданы условия для комфортной осады столицы датчан – Копенгагена, в котором было не так много войск. Ведь почти все свои силы Кристиан сосредоточил в Мальмё.

Рискнул и сорвал куш.

Просто потому, что никто, в том числе и он сам, не ожидал такой дерзкой наглости… впрочем, не выходящей за пределы тактических приемов викингов.

Глава 8

22 мая 1614 года, Копенгаген

Новость о том, что Дмитрий смог овладеть замком Хельсингборга и, форсировав Зунд на шлюпках и плотах, захватил замок Хельсингера, совершенно шокировала Кристиана IV. И не только короля. Его генералы тоже не знали, что сказать, добрые пять минут массируя воздух ртами без малейшего звука.

– И что будем делать? – наконец выдавил из себя хоть какую-то мысль король. – Наша армия там. А этот рыжий головорез – здесь. Укреплений в Копенгагене серьезных нет[18 - На 1614 год в Копенгагене были только архаичные небольшие укрепления XIII века, оставшиеся от эпохи владения этим купеческим городом епископством. Плюс небольшой изящный замок-резиденция, который только строился. Масштабные укрепления Кристиан IV стал строить только в 1626 году после поражения в Датско-шведской войне от юного Густава II Адольфа. До того город находился в относительной безопасности, прикрытый от гостей из Северного моря замками с мощной артиллерией. На Балтике город

хранил самый мощный флот этого моря, не имеющий конкурентов. При этом со шведской стороны (наиболее опасной) столицу прикрывал хорошо укрепленный Мальмё.]. Как нам его сдерживать?

– Он в двух дневных переходах, – возразил один из генералов.

– И что это меняет?

– Мы можем переправить сюда войска от Мальмё. Хотя бы часть, – продолжил тот же генерал.

– Вы думаете, они смогут его остановить? – вновь повел бровью Кристиан IV. – Вы же не хуже меня знаете, в полевом сражении нам с ним не справиться.

– Баррикады, – произнес генерал-скептик. – Пока есть время – нам нужно начать возводить баррикады на улицах города. Горожане возводят их, перекрывая улицы, а мы подвозим войска от Мальмё на шлюпках. Это позволит укрепиться до подхода союзных войск. Все три Померании, оба Гольштейна, Лауэнбург и Мекленбург с Ольденбургом выставили новые подкрепления. Около десяти тысяч пехоты с небольшой артиллерией. Если мы будем крепко держать оборону на баррикадах, а они ударят Дмитрию во фланг или ты, мы сможем его отбросить.

– А если не сможем?

– Мы должны попытаться. Одновременно с этим нам нужно перебросить от Ландскруны ему в тыл полк или два. Погоды это не сделает, но затруднит его положение и заставит пойти на переговоры.

– Хм… – задумчиво произнес король. – Возможно. Вполне возможно.

– Ваше Величество, – очень осторожно произнес один из пасторов, представляющих клир Копенгагена на этом совете. – Из Кальмара пришло очень тревожное послание. Мне не хотелось о нем говорить, но…

– Что за послание? – насторожился Кристиан.

– Там все так странно звучит, что я не уверен – верить ли ему.

– И все же. Возможно, это важно.

– Перед боем при Кальмаре Дмитрий принес обет, что если он одержит славную победу, то примет на себя знак своего пращура. Кровь от крови.

– И что в этом такого?

– Он назвал своим пращуром Одина. А огромный черный ворон, что совершенно случайно оказался поблизости, это подтвердил.

– Ворон? Подтвердил? Чертовщина какая-то! Он что, язычник?

– О нет! Дмитрий заявил, что Иисус подчинил Одина своей руке и оставил наместником в Скандинавии, дабы тот присматривал за ней от его имени. Это очень странно. Очень.

– Ересь! Вздор!

– Но в битве при Кальмаре легион Дмитрия не потерял ни одного человека убитыми. По всей Швеции ходят слухи, один опаснее другого. А сам император собрал в Кальмарской церкви совет из клириков лютеранского толка, католического и православного, дабы совет держать о том, как поступить правильнее. И все трое порекомендовали ему выполнить обет. А потом молились с ним, сначала пока наносили татуировку, а потом всенощную до самого утра.

– Это все не выдумки? – настороженно поинтересовался генерал-скептик.

– Так было написано в послании, что доставили мне лодкой из Кальмара. Это копия, но я лично знаю священника, что его мне прислал. Очень достойный человек. Там же хроника и весь их разговор. Он странный, но… пугающий. Ведь если император прав и Один действительно его пращур, да еще и оставленный Христом наместником в этих землях…

– Вздор! Вздор! Вздор! – нервно произнес король, вышагивая вдоль окна.

– Взятие Стокгольма с наскока по льду, – начал загибать пальцы генерал-скептик. – Совершенно невероятная Кальмарская битва, в которой он уничтожил у нас почти треть армии, не потеряв ни одного человека. Хитроумное использование артиллерии при Мальмё, вынудившее нас отвести войска из редутов. Мы, кстати, так и не поняли, что он там сделал. Разгром пятитысячного корпуса под предводительством герцога Гольштейн-Готторпского под Лундом, который должен был ударить ему в тыл. От него едва половина осталась. Наглый марш к Хельсингборгу и взятие хорошо укрепленного замка натиском. По слухам – он подошел в обед, а ночью уже захватил. Переправа через Зунд на лодках и плотах в виду замка Хельсингера. Взятие этого замка с наскока. Нагло. Дерзко. И решительно. И что самое интересное, штиль. Словно ветер специально ему подыгрывал. То есть мы не могли подвести корабли и воспрепятствовать его дерзким выходкам. Вам кажется это все простым совпадением?

– Ему везет, – неуверенно возразил король.

– Точно так же, как под Смоленском, под Валдаем, под Ивангородом, под Серпуховом, под Коломной, под Тулой? При взятии Нарвы, Ревеля и Риги? Он просто не проигрывает! Это странно. Это ОЧЕНЬ странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Он получил отличное среднее образование, позволяющее поступить ему в любой вуз. Овладел четырьмя современными языками свободно (английским, немецким, французским и испанским) плюс двумя классическими, но

удовлетворительно. В пику родителям поступил в МГТУ им. Н. Э. Баумана на факультет машиностроительных технологий, где со всем рвением отучился полных три курса. Увлечение военно-исторической реконструкцией XVII века породило интерес к истории как военной, так и экономической, а там и до техники с технологиями дошло. Ему стало интересно, что, зачем и почему, когда, кем и для кого, а главное – как. Причем не ограничиваясь XVII веком. Имел прекрасный уровень фехтования шпагой в связке с кинжалом (поздняя испанская Дестреза), верховой езды и плавания, а также изрядно укрепился в «качалке». В XVII веке продолжил учиться, осваивая польский и шведский языки.

2

Вах! – Непереводимое междометие, характерное для многих кавказских языков и Персии.

3

Шаханшах (перс. ???????? [shahanshah] – «царь царей») – традиционный, древний титул Персии, в архаичной форме известный еще у Сасанидов в 221 году нашей эры. Является прямым аналогом европейского титула император.

4

Аббас I Великий (1571–1629) – самый выдающийся правитель Персии за всю историю ее существования. Правил 42 года – с 1587 по 1629 год. Создал регулярную армию (пехота с аркебузами и пушками). Нанес серию поражений османам, шибанидам, великим моголам и даже португальцам, отбив у них остров Ормуз. Ударными темпами строил дороги и мосты, ирригационные сооружения и шахские мастерские. Украшал и развивал города. Создал режим наибольшего благоприятствования торговле, что способствовало ее небывалому расцвету. Боролся с аристократией кызылбаши, резко сократив численность феодального

ополчения и уменьшив его влияние. Всецело покровительствовал крестьянам и ремесленникам, облегчая налоговое бремя. Отличался удивительным уровнем веротерпимости (исключая суннитов). Персия во время его правления достигла зенита своего могущества. Единственный недостаток заключался в том, что он не смог должным образом подготовить наследников, большую часть которых сам и вырезал.

5

Дробление операций на более простые с узкой специализацией, требующей невысокой квалификации для их выполнения. Плюс всемерная механизация этих операций.

6

Дмитрий применил широко известный в узких кругах прием Георга Люгера. Например, он переработал стандартный колесцовый замок так, чтобы практически все его детали можно было получать методом горячей или холодной штамповки с последующей доработкой напильником по лекалу. Дешево и сердито.

7

Колесцовые замки сами по себе были товаром.

8

Дмитрий занялся этим вопросом еще в 1604 году. Подробнее о создаваемом им Московском промышленном районе можно почитать в Приложении.

9

Дагерротипия – ранняя форма фотографии. Полированная медная пластинка покрывалась слоем серебра и шлифовалась. Обрабатывалась парами йода в темноте. Экспонировалась. Проявлялась парами ртути и закреплялась раствором поваренной соли. А потом она покрывалась очень тонким слоем золота для защиты изображения. Готовые снимки были очень хрупкими, поэтому их обязательно накрывали прозрачным стеклом, которое герметизировалось окантовкой из бумаги, пропитанной смолой. При этом стекло отделялось от поверхности дагерротипа рамкой из золоченой меди. Обработанный таким образом снимок заключался в рамку из дорогих сортов дерева. Ничего сложного и недоступного. Только хлопотно, очень дорого и масса технических ограничений. Но ведь это лучше, чем ничего.

10

Была применена классическая методика каталогизации и индексации архива с заведением картотечной карточки (и, как следствие, картотеки) на каждую книгу и рукопись. Для XVII века – совершенно удивительное явление.

11

В те годы что в Европе, что в Персии в цене были пухлые, рыхлые женщины с таким же мягким, покладистым характером.

12

Подробнее о новом войске можно почитать в Приложении.

13

Подробнее о новинках можно почитать в Приложении.

14

Ро?кош (польск. rokosz, буквально – бунт, мятеж) – официальное восстание против короля, на которое имела право шляхта во имя защиты своих прав и свобод.

15

Императору понравилась его бредовая фраза о том, что Один сын Дурина, которую он выкрикнул в истерике, пытаясь откачать жену. Прежде всего тем, что можно было в случае необходимости приплетать массу веселых приключений Средиземья. Видимо, в нем проснулись замашки прабабки Софьи Палеолог – страсть к сочинительству небылиц. Впрочем, в отличие от нее, ему и выдумывать особенно ничего не требовалось – фантастика и особенно ее направление «фэнтези» в XX–XXI веках сделали большую подготовительную работу.

16

Дмитрий нарыл в недрах кэша своего смартфона несколько интересных фото, которые навели его на мысли. С таблицами Брадиса практически не было проблем. Поняв, как они устроены, он очень быстро их рассчитал, записав от руки на бумаге и только потом передав для издания. Ну как быстро? За несколько месяцев. А с логарифмической линейкой были сложности – он изначально просто не знал, как она работала, как, впрочем, и положено для обитателей XXI века. Перерисовал ее со всем вниманием на лист бумаги. Потом сделал масштабный макет. Начал экспериментировать. И на каком-то этапе прозрел. Сказались три полных курса МГТУ им. Н. Э. Баумана, которые он отучился, и тот тяжелый блок математики, что ему пришлось освоить. И вспомнился, и дал о себе знать. Хотя на логарифмическую линейку он потратил около двух лет. Слишком уж непростым оказался для него этот орешек. Неформатным. О смартфоне можно почитать в приложении к статье «Дары волхвов».

17

«Московский пехотный марш» был вариантом «BritishGrenadiersSong», с ранним исполнением которого можно ознакомиться вот здесь https://www.youtube.com/watch?v=PGrxHO-B2TY и здесь https://www.youtube.com/watch?v=CbBojWrOV2Y

18

На 1614 год в Копенгагене были только архаичные небольшие укрепления XIII века, оставшиеся от эпохи владения этим купеческим городом епископством. Плюс небольшой изящный замок-резиденция, который только строился. Масштабные укрепления Кристиан IV стал строить только в 1626 году после поражения в Датско-шведской войне от юного Густава II Адольфа. До того город находился в относительной безопасности, прикрытый от гостей из Северного моря замками с мощной артиллерией. На Балтике город хранил самый мощный флот этого моря, не имеющий конкурентов. При этом со шведской стороны (наиболее опасной) столицу прикрывал хорошо укрепленный Мальмё.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lancov_mihail/lzhedmitriy-na-zheleznom-trone

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить